Ольга Яралек
Я И ТЕМКА

Ольга Яралек

Я и Тёмка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2451915
“Я и Тёмка”: Рассказы: Мытищи (Москва): Издатель Мицинский С.А., ; Москва; 2010

Аннотация

Цикл забавных рассказов о светлой и большой дружбе девочки и мальчика. Они играли вместе до школы, учились в одном классе и до окончания школы всегда были вместе, потому что жили в одном доме и даже в одном подъезде. Крутится калейдоскоп эмоций: удивление и обида, восторг и жалость, удивление и любопытство, первая любовь и страх потерять дорогого человека. Десять лет промелькнут, как один день.

Для всех кто хочет вспомнить своё замечательное детство, для тех, кто хотел бы научить своего ребёнка дружить, для тех, кто просто хочет провести несколько душевных и тёплых семейных вечеров за совместным прочтением, – эта книга.

Содержание

Ну, что ты, птенчик… Всё будет хорошо 4
Олечкины рассказы 8
Наш дом 8
Игра в солдатики 11
Новая игра 14
Прыжок 18
Тёмкины игрушки 19
Весенняя дрёма 23
Читаем книжку 26
Спорщики 30
Тяжело быть хорошим? 34
Бомбочки! 38
Игрушки в детский дом 41
Стыдно 45
Кеша, или Охота на охотников 48
Целина 53
Пожар 55
Игрушечная посуда 57
Как я ночевала у Тёмки 60
Очень тихий мальчик 64
Кареты 66
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Ольга Геннадьевна Яралек
Я и Тёмка

Памяти моей мамы посвящаю эту книгу.

Ну, что ты, птенчик… Всё будет хорошо

Наверное, у каждого малыша есть своё, домашнее прозвище, которым его ласково называют родители. Моя мама звала меня «птенчик». Бр-р-рр! Как этот «птенчик» мне не нравился! Правда, недовольство возникало не всегда, – только если прозвище слышали друзья, и появилось не сразу, а в том возрасте, когда я научилась вертеться перед зеркалом, прихорашиваясь в ожидании знакомого мальчика. Во всех остальных случаях я прекрасно уживалась с «птенчиком». Особенно тогда, когда, обидевшись на весь свет, залезала маме на колени и, глотая слёзы, рассказывала о своих бедах.

Моя мама, женщина быстрая, маленькая, с доброй улыбкой на лице, весёлыми яркими глазами и бровями, выгнутыми «домиком». Так сразу и не поймёшь, удивляется она, расстраивается или радуется. Она не любит сидеть без дела, но особенно не любит, когда без дела сижу я. Сколько себя помню, мы всегда с ней что-нибудь затевали. Смотрели диафильмы, которые она в несметном количестве привозила из командировок, читали сказки, лепили пельмени и непременно каждый месяц ходили в цирк и театр на детские спектакли.

Всё, что я умею, я умею благодаря моей маме. Она научила меня вырезать самые красивые в мире снежинки. Не салфетки, как часто получается у многих, а снежинки – ажурные, сказочные, с шестью лучиками. Под Новый год она каждый раз придумывала новые ёлочные украшения! Каких замечательных клоунов мы делали из пустых яичных скорлупок, какие гирлянды из цветной бумаги, каких лесовичков из шишек!

У нас с мамой было несколько игр, которые я особенно любила. Когда мы куда-нибудь шли, она предлагала рифмовать слова. Конечно моя карьера «рифмовалыцика» началась с простых рифм. Лет в пять я написала своё первое «стихотворение»:

На пол вдруг упала чашка.
Наступила ей канашка.

Что такое «канашка» и почему с чашкой произошёл такой явно неприятный случай, я объяснить не могла, но мама и не спрашивала. Она просто радовалась и говорила родным, что я научилась писать стихи и что с чувством юмора у меня всё будет в порядке.

Другой маминой забавой было выстукивание ритма известных ей песен, когда по чередованию звуков различной длительности я должна была отгадать мотив. Играть в эту игру с друзьями я не могла. И не потому, что ни у кого из них не было чувства ритма. Они не знали столько песен, сколько их знала я от своей мамы, и мои ритмические загадки никто не мог отгадать.

Мамочка любила играть со мной в театр. Из большой коробки она делала сцену, клеила мебель, рисовала декорации, шила костюмы и показывала мне спектакли. Однажды, я сильно заболела. Вставать с кровати мне было строго-настрого запрещено. Вечером мама вошла в комнату с заговорщическим видом. Она принесла лампу, картон и ножницы. Подмигнула, сказав, что сейчас будем смотреть спектакль. Потом села на мою кровать и начала вырезать. Я ничего не могла понять. Какой это спектакль без нашей «театральной» коробки, что она вырезает? В этот вечер впервые мама показала мне театр теней. Это была сказка «Репка», сделанная её руками. Как сейчас помню, на следующий день я выздоровела.

Мама умела делать мыльные пузыри из обыкновенного мыла, накладывать театральный грим, шить для меня карнавальные костюмы.

Вечерами она читала мне книги. Ну, читала – и читала. Ценить и понимать, как это здорово, я научилась только после одного случая. Однажды, когда все родные разъехались по командировкам, меня на ночь отвели к соседям, родителям моего одноклассника, и я впервые услышала рассказ, прочтённый посторонним человеком. Моему изумлению не было предела! Быстрая, монотонная, сбивчивая, без необходимых пауз речь никак не напоминала мне

уютные домашние чтения, когда мама на разные голоса, выразительным, полным чувств и цвета голосом читала так, что сказочные герои оживали и я слышала их крики, смех, шёпот. Когда читала мама, я плакала и смеялась, пряталась под одеяло, если мне было страшно, пыталась давать советы героям, если требовалась лежавшая на поверхности подсказка, которую они никак не могли увидеть…

Мама великолепно читала стихи. Я осознала это в старших классах, когда она продемонстрировала мне, что значит читать стихотворение с выражением. Прочитав стих так, как научила мама, помню, я испугалась звенящей тишины класса и глаз своих одноклассников, которые с удивлением смотрели на меня.

На вопрос, где работает моя мама, с четырёх лет я отвечала:

– Она работает методистом в ОНМЦ и КПР.[1]

Что это такое, я расшифровала для себя в десятом классе, когда мама организовала наш незабываемый выпускной вечер, и учителя с одноклассниками стали подходить ко мне, чтобы больше узнать о моей «замечательной маме». Тогда я впервые задумалась над смыслом этого словосочетания.

А мои дни рожденья! Мои незабываемые дни рождения с играми, песнями, танцами, сюрпризами и, конечно, самыми удивительными и вкусными блюдами… Ведь среди своих друзей мама считалась непревзойденным кулинаром. Её торты занимали первые места на выставках нашего города!

Много, очень много я могу рассказать о маме. О том, как она писала за меня сочинения в школе, играла со мной в шахматы, учила рисовать акварелью, как залезла в большие долги, чтобы купить для меня пианино, как продала своё единственное кольцо и дала деньги на мою первую студенческую поездку за границу….

Моя мама – это праздник! Я редко видела её печальной, чаще – уставшей, никогда – злой, может быть, недовольной….

Вот уже три года, как мне не к кому обратиться со словом МАМА. Она ушла. Её больше нет со мной. В заботах и волнении проходят дни: дом, работа, дети. Но иногда ночью, когда все спят, я смотрю на небо, вспоминаю маму и плачу.

Как мне недостаёт тебя, мамочка. Как мне не хватает твоего внимания и поддержки. Теперь никто не беспокоится, тепло ли я одета, не спрашивает, сыта ли, хочу ли горячего чая…

Я очень тоскую по тебе, МАМА.

Я очень люблю тебя, МАМА.

И всё чаще и чаще, как в детстве, мне хочется прижаться к тебе, ища защиты и утешения, уткнуться в твои мягкие ладони и вновь услышать: «Ну, что ты, птенчик… Всё будет хорошо».

2007 г.

[1] Областной новосибирский методический центр культурно – просветительной работы

Олечкины рассказы

Наш дом

Есть у меня друг Тёмка. Сколько живу, столько его знаю. И в школу мы должны пойти в один класс. Я и Тёмка вообще всё делаем вместе. Вместе гуляем, играем, придумываем всякие затеи и живём в одном доме, в одном подъезде. Я на первом, а он надо мной, на третьем этаже. И пусть только кто-то попробует сказать, что мальчик не может дружить с девочкой. Вот я – девочка, Тёмка – мальчик, а мы дружим и почти никогда не дерёмся.

Зовут меня Оля, но Тёмка букву «о» выговаривает как-то странно – получается «Воля».

Я вот всё думаю: почему мы дружим-то? Потому что дружат наши мамы? Или потому что дедушки и бабушки наши дружат? Может, поэтому и мы не дружить не можем? Ну а почему дружат наши родственники, понятно: они работают вместе.

Наш дом необыкновенный: здесь живут те, кто трудится в редакции. Так называется место, где делают газеты. В редакции работает мой дедушка, он журналист. И Тёмкин дед там тоже работает, он редактор. Я вот раньше думала, что Тёмка живёт на третьем этаже, потому что у него дед – редактор. Чем выше, тем, значит, главнее… Я сказала об этом Тёмкиной бабушке, которая часто сидит с нами, пока все на работе. Она засмеялась и ответила, что на пятом этаже над всеми нами живёт тётя Таня, а она работает в редакции секретарём. При этом секретарь – не самая главная профессия в редакции. Я очень удивилась.

В нашем доме 60 квартир. И все 60 квартир знают меня и Тёмку. Нет…. Не квартиры нас знают, а жильцы этих квартир! Это не потому, что мы такие уж шумные. А потому, что все в нашем доме друг друга знают. И это здорово!

Двор нашего дома принадлежит только нам. Так уж нам повезло. Мы живём в самом центре города, где жилых зданий мало. С одной стороны нашего двора стоит картинная галерея. Между её зданием и двором зелёный деревянный забор, по которому очень здорово бегать. А с другой стороны – детская больница: от неё двор отгорожен красным кирпичным забором, с которого мы прыгаем на крыши больничных складов. Вот и всё. С третьей стороны стоит наш дом. Двор у нас большой, зелёный. По траве можно босиком бегать. Много цветов на клумбах, деревьев красивых разных… Все удивляются: «Ах, какой у вас двор красивый! Ах, какой у вас двор зелёный!».

Мы с Тёмкой тоже любим свой двор. Любим по нему бегать, играть в прятки и в мяч. Лазить по заборам и по деревьям, если никто не видит. Вообще, стараемся двору случайно не навредить, потому что весь дом о нём заботится! А раз все заботятся, то и мы тоже. Очень часто жильцы устраивают субботники. Правда, субботники эти проводят и в воскресенья. Непонятно, почему тогда субботники, если это самые настоящие воскресники? В такие дни у нас с Тёмкой праздник! Это значит, нам и шланг могут дать – цветы поливать, и краску – качели покрасить, и даже белила – стволы деревьев побелить!

А ещё я очень люблю грабить. Не в смысле кого-то, а в смысле что граблями листочки убирать, траву старую… Наша дворничиха тётя Зина нашла для меня грабли с небольшой ручкой! Грабли как грабли, только невысокие, удобные очень. Когда у нас субботник, кто-нибудь обязательно откроет окно и включит музыку погромче: от этого ещё веселее. Мы с Тёмкой сначала всем помогаем, а потом, как говорит тётя Зина, всем мешаем. Никак не могу понять, почему так выходит, но через некоторое время нам надоедает поливать и красить… И вот ведь какая штука: ждём этого субботника, ждём с нетерпением, а когда он приходит, хватает нас совсем ненадолго. Так и хочется побегать да попрыгать. Тогда мы начинаем хохотать, носиться, догонять друг друга и биться на вениках – на граблях нам не разрешают. Правда, нам и на вениках не разрешают, но догони нас с веником-то! А грабли тяжёлые, с ними далеко не убежишь. И, что самое удивительное, ничего на нас с Тёмкой не действует: ни уговоры, ни окрики, ни сердитые взгляды бабы Вали. Ничегошеньки! И почему, никто не знает. Когда субботник проходит, мы сами с Тёмкой удивляемся. Тётя Зина говорит, что это нас «какая-то муха покусала». А какая именно, не уточняет. Наверное, очень весёлая муха – Мушка-веселушка!

Игра в солдатики

Вообще-то я прекрасно обхожусь без индейцев и солдатиков. По мне, это такие же куклы, а в куклы я не очень люблю играть. Но Тёмка придумывает со своими солдатиками разные разности, и вот я начинаю вместе с ним визжать, орать и шипеть, то есть, как говорит баба Валя, «втягиваюсь в игру».

Что можно делать с солдатиками? Оказывается, по ним можно стрелять из самострела: они падают. Чем больше упало, тем хуже. Значит, тебя скоро победят. Стрелять я не люблю, так как попасть в цель могу не всегда, а вот Тёмка попадает часто – тогда меня и берёт досада. Почему он попадает, а я – нет? И вот я стреляю, стреляю, стреляю… Тёмка уже картинки раскрашивает, а я всё стреляю…

Но солдатики мне нравятся меньше, чем индейцы. Индейцы такие же маленькие, с мизинчик, как и солдатики, но красивые. Самый удивительный индеец – в оранжевых штанах и с белыми перьями на голове. Я всё время хочу с ним поиграть, но он мне никогда не достаётся: Тёмка его первым хватает. Индейцев мы делим поровну и расставляем на горах, то есть на кубиках. Потом сворачиваем кусочки бумаги, пережёвываем их и стреляем каждый из-за своей горы в противника.

– Почему индейцы воюют против индейцев? – спросил как-то дядя Толя.

– А как же надо? – удивился Тёмка.

– Индейцы должны воевать с белыми.

Мы посмотрели друг на друга.

– Да, наверное, должны, – сказала я.

– А у нас не должны! – ответил Тёмка и принялся пулять по моим индейцам.

– Не должны! – весело подхватила я.

Так мы и играем, индейцы против индейцев, Красная Армия против Красной Армии, – нет у Тёмки других солдат.

А однажды Тёмке кто-то подарил двенадцать оловянных солдатиков. Они не были раскрашены, лиц не разглядеть… Мне они совершенно не нравились, но Тёмка их всё время нахваливал:

– Ты что! Они сливаются с местностью! Что для солдата может быть главнее?!

Я не знала, что для солдата главнее, но мне казалось, будто всё – таки что-то другое.

– И потом, тебе не нужно голову ломать, кто в каком звании, – продолжал Тёмка. – У тебя все рядовые. Расставила, куда попало, – а ты так и делаешь, – и всё! Это я думаю, куда командира спрятать, как замполита прикрыть…

– Хорошо, – говорю, – если они такие замечательные, играй ими сам!

– Нет, – говорит Тёмка, – всё лучшее – гостю.

Начали играть. Он в моего солдатика попадёт, а когда отвернётся, я его вновь ставлю…

– Это нечестно, – кричит Тёмка. – Я его убил!

– Нет, – говорю. – Ты не его убил.

– А кого же?

– Кого-то другого! Где это видно, что ты этого убил?

– А я сейчас на нём крестик нацарапаю!

И стал крестики царапать, когда солдатика сбивал.

– Ты зачем же их портишь? – спрашиваю.

– Да их всё равно выбрасывать, – отвечает.

– Как? Так ты мне их дал, потому что тебе самому в них играть не хочется? – обиделась я.

Тёмка сопит и ничего не отвечает. Я тоже надулась. Когда первый бой закончился, мы стали своих солдатиков снова расставлять. Но из предыдущих игр я знаю, что должен быть среди солдат самый главный, который всеми руководит. Называют его командир. Я посмотрела на своих оловянных солдатиков и решила одного раскрасить самостоятельно. Должна же я отличать командира от всех остальных! Пока Тёмка прятал своих солдат по «окопам» и «блиндажам», я взяла лак для ногтей тети Оли и покрасила командиру голову в красный цвет. Получилось замечательно! Видно сразу – главный!

– Батюшки! Ты что сделала?

Ты зачем ему голову раскрасила? – ахнул Тёмка.

– Как зачем? Должен же у моих солдат командир быть?

– Это безобразие! – Тёмка схватил меня за руку, в которой я держала своего командира. – Ты испортила моего солдатика!

– Да ты же только что сказал, будто их всё равно выбрасывать! – удивилась я.

– Мало ли что я говорил! – наскочил на меня Тёмка.

Хорошо, что в дверь тётя Оля вошла:

– Что за шум? – спросила она.

– Да вот, эта кулёма моего солдатика раскрасила твоим лаком!

– пожаловался Тёмка.

Тётя Оля засмеялась и потрепала нас по волосам:

– Не ссорьтесь. Это только игра!

Она вышла из комнаты, а тут и меня домой позвали. На следующий день прихожу к Тёмке. Глядь – все мои солдатики красным лаком покрашены! У кого голова, у кого рука, у кого сапог…

– Что это? – спрашиваю.

– Боевые ранения! – гордо отвечает Тёмка. – Теперь я этими солдатиками играть буду. Вот тебе, возьми раскрашенных.

Но мне совершенно не хотелось играть раскрашенными. Мне так нравились мои оловянные, с боевыми ранениями, солдатики! *Я* подумала, что можно прилепить к Тёмкиному грузовику красный крест и поиграть в госпиталь. Но Тёмка твёрдо стоял на своём, солдатиков не отдавал. Мы стали играть. После первого боя я сказала:

– Всё. Больше мне играть не с кем. Все твои солдаты сейчас будут отправлены в госпиталь.

– Куда? – возмутился Тёмка. – Они у меня умирают в бою.

– Ничего не знаю, – ответила я. – Ранен – в госпиталь! Так будет честно.

Иногда Тёмка со мной неожиданно соглашался. Так и сейчас: положил своих солдатиков в коробку и сказал:

– Тогда давай твоих поделим! И продолжим!

– Нет, – говорю. – Давай лучше я раненых вылечу.

– Ну и лечи на здоровье! А я пока твоими поиграю, – обрадовался Тёмка.

Я организовала госпиталь, а Тёмка расставил моих солдатиков, после чего каждого взял в руку и внимательно осмотрел.

– Ладно, – говорит. – Играй ранеными. Мне они надоели. Всё-таки мои раскрашенные лучше.

В разгар очередного боя Тёмка выбежал попить воды. А я снова взяла лак тёти Оли и поставила по нескольку точек на груди у каждого солдатика. Кому одну, кому две, кому три точки… Вернувшись, Тёмка так и замер на месте.

– Это что? – грозно ткнул он пальцем в моего солдатика.

– Ордена, – говорю. – За боевые заслуги!

Тёмка даже покраснел от обиды:

– Отдавай мне их сейчас же!

– Ты, – говорю, – уже выбери себе каких-нибудь солдатиков и играй ими до конца. А то я больше играть с тобой не буду.

– Ну и не надо, – ответил Тёмка. – Я их всех забираю.

– Ну и пожалуйста, если ты такой, – ответила я, надувшись.

Так мы сидели некоторое время. Тёмка делал вид, будто играет. Бахал, выл, свистел. А я делала вид, будто рассматриваю свои пальцы. Вдруг Тёмка не выдержал:

– Давай так. Поделим всех солдатиков поровну – и раскрашенных, и не раскрашенных.

– Давай, – говорю. – Только какие теперь у нас не раскрашенными называются?

– И точно, какие? – засмеялся Тёмка.

– Непонятно… – захохотала я.

Новая игра

Звонит мне Тёмка:

– Воля, пойдём гулять, – кричит; он всегда в трубку ужасно орёт. Как будто я глухая и ничего не слышу! И всегда в нос говорит, поэтому вместо «Оля» получается «Воля».

– Пойдём, – отвечаю.

Пока я одевала одни штаны, другие, свитер, шубу, валенки, он уже прибежал. Входит с палкой в одной руке и с чёрной какой-то штучкой – в другой. Я смотрю и спрашиваю:

– Что это у тебя за палка такая?

Тёмка от нетерпения на стуле елозит.

– Это такая штука! Такая!.. Давай, скорее одевайся! Что ты копаешься! Я всё тебе на улице покажу!..

Но уходить не собирается – стоит и сопит. Натягиваю я шапку, шарф, варежки, а Тёмка меня уже за воротник тащит к выходу. Ну, вышли на улицу. Тёмка быстро побежал и схватил две льдинки размером с башмак. Положил их в трех шагах друг от друга. Потом побежал ко мне, схватил за рукав и оттащил подальше.

– Я вратарь. Вон там мои ворота. Я их защищаю. А ты будешь нападать. Понятно?

– Понятно. Но ты не переживай так, я не буду на тебя нападать, я лучше ступеньки в сугробе выкопаю.

– Вот кулёма!

Кулёмой меня называет Тёмкин папа, а Тёмка повторяет, когда на меня сердится.

– Ну ничего же ты не поняла! Это игра такая, хоккей называется. Ты всё равно не запомнишь название. Тебе как раз нужно на меня нападать! В этом смысл. Ты должна вот эту шайбу, – Тёмка показал мне на чёрную штуку в руке, – забить в мои ворота, а я их буду защищать вот этой клюшкой. Поняла?

– Поняла, – отвечаю, – а чем я буду нападать? У меня же нет глюшки…

Тёмка задумался и изрёк:

– Не «глюшки», а клюшки. Это да… Как-то я не подумал. Второй клюшки у меня нет. Ну, ты валенками мне её пинай.

Тёмка встал в ворота и от нетерпения даже подпрыгивает.

– Подавай, – кричит, – подавай шайбу!

Я взяла шайбу и понесла Тёмке.

– Ты чего делаешь, кулёма! – замахал он руками.

– Ты же сказал, тебе шайбу подать, – удивилась я.

– Вот кулёма! Ну не кулёма ли? Это так называется – «шайбу подать», а на самом деле тебе нужно её мне пнуть так, чтобы она попала в ворота. Понятно?

– Понятно, – говорю. Взяла шайбу в руку, отошла подальше и как побегу на Тёмку! Подбежала, стукнула его в грудь с разбега так, что он свалился, и бросила шайбу за ворота.

– Ты, кулёма, чего творишь? – зашипел Тёмка. – Ты зачем меня уронила?

– Как это зачем? – спросила я. – Ты же сказал, на тебя нужно нападать… и шайбой в ворота попадать…

– Вот кулёма! Кулёма и есть! Ты пинай её мне на расстоянии, а я буду её отбивать, чтобы она в ворота не попала. Ты забиваешь, я отбиваю… Только шайбу, не меня! Поняла?

– Поняла, – ответила я, подбирая шайбу.

– Поняла она… – проворчал Тёмка. – Уму непостижимо, какая ты кулёма!

Я отошла к тому месту, на которое он меня поставил первый раз, и как пну шайбу валенком! Шайба проскочила между ног у Тёмки прямо по центру ворот.

– Это нечестно! – кричит Тёмка. – Я ещё не был готов! Вот теперь давай.

Он бросил мне шайбу клюшкой. Шайба красиво полетела и плавно затормозила у моих ног.

– Я тоже клюшку хочу, – сказала я.

– Ну нет же у нас второй. Давай пока так.

Короче, очень мне эта игра понравилась. Я почти всё время забивала Тёмке голы, он ругался, называл меня кулёмой, а под конец так разозлился, что шарахнул клюшкой о крыльцо подъезда. От клюшки отлетел кусочек дерева: мы побежали на него смотреть.

– Вот видишь, что ты наделала, – закричал Тёмка, – ты клюшку мне сломала!

– Я? – удивилась я. – Как это я? Ты сам её ударил. Я-то вон где была.

– Всё равно я из-за тебя её поломал, кулёма.

– Сам ты… – задумалась я, а потом брякнула: – Сам ты дурак!

Тёмка бросил клюшку и схватил меня за воротник, а я его за шапку; мы повалились в снег и начали друг друга бутузить. Проходивший мимо сосед с первого этажа, дядя Лёва, поднял нас за воротники и сердито сказал:

– Марш по домам, а то родителям скажу!

Так мы и поплелись каждый к себе.

На следующий день звонит мне Тёмка:

– Пойдём гулять!

– Нет уж, – говорю, – ты меня опять обзывать будешь.

– Не буду, – кричит, – мне новую клюшку купили, а старую папа замотал изолентой: я тебе дам поиграть.

Весь вечер мы играли в хоккей. Вышел Димка, у него тоже, оказывается, клюшка есть, потом его папа вышел, дядя Агей. Он нам показал, как нужно нападать на ворота и как их защищать, и мы то защищали, то нападали по очереди. Потом вышел дядя Толя (он мусор выносил) – и тоже стал играть, потом вышел сосед со второго этажа, дядя Боря (и он мусор выносил), – и тоже стал играть. Смотрю – мы втроём с Тёмкой и Димкой на крыльце сидим, а взрослые в хоккей играют.

Тут Димка стал вдруг орать:

– Шайбу! Шайбу!

И отчего-то стало весело. Мы с Тёмкой тоже стали кричать, и кричали до хрипоты. С тех пор мы часто играли в хоккей: замечательная игра!

Прыжок

Как-то зимой мы с Тёмкой от нечего делать начали скакать с сугроба на сугроб. Скакали, скакали, пока не взмокли. Тут идёт мой папа и говорит:

– Что это вы просто так прыгаете? Вы соревнуйтесь друг с другом. Кто дальше прыгнет.

– Давай! – завопил Тёмка. – Ты прыгай оттуда, откуда стоишь, а я отсюда. – Сказав это, Тёмка залез на самый высокий сугроб и прыгнул.

– Теперь ты!

– Нет, так дело не пойдёт, – сказал папа, – условия для всех должны быть равными. Если прыгать, то с одного сугроба. А то ты прыгнул с высокого, а она где стоит?

– Да? – удивился Тёмка. – Я не подумал.

– Прыгать будете вон с того сугроба, – сказал папа, – сейчас я очерчу три линии, до которых вам нужно будет допрыгнуть. Самая близкая к сугробу линия – третье место, следующая за ней – второе и, наконец, самая дальняя – первое место. У вас три попытки. Кто начинает первым?

– Я! – завопила я.

– Почему ты? – спросил Тёмка.

– Потому что я девочка! – ответила я гордо.

– Ну ладно, – согласился Тёмка.

Папа в разговор не вмешивался, только внимательно слушал.

– Определились? Влезай.

Я влезла на сугроб и прыгнула. Чуть-чуть перелетела вторую отметку. После моей попытки папа лучше прочертил линии, а потом на сугроб залез Тёмка. Он прыгнул и оказался на второй линии.

– Ура! – закричала я. – Я победила!

– У Тёмы ещё две попытки, как и у тебя, ещё посмотрим.

Я забралась на сугроб, тоже чуть присела и прыгнула. И… перелетела вторую линию, но до последней так и не дотянула. Тёмка забрался на сугроб, потоптался и тоже прыгнул, но как-то неудачно: скатился вниз и провалился в мягкий снег.

– Вот! – заворчал он. – Полные валенки снега, больше прыгать не буду.

Он пошёл, сел на крыльцо и начал снег из валенок доставать. Но у него как-то это плохо получалось.

– Все ноги промочил, домой пойду, – сказал Тёмка и ушёл.

– Это он потому ушёл, что понял: меня не перепрыгнет, а я сейчас первое место займу, – сказала я и прыгнула: опять перелетела вторую отметку, но до третьей не добралась.

– Сейчас у меня обязательно получится, сейчас, – заторопилась я.

Но папа посмотрел на меня и сказал:

– Все попытки кончились. Если помнишь, их было всего три.

– Как же так? – удивилась я.

– А так, теперь в следующем году повторим, – развернулся и пошёл домой.

У меня настроение сразу упало: ну никак до меня не доходило… Можно же прыгать, сколько угодно! Пока не получится… Подумаешь, три попытки! А теперь ещё три. Я залезла на сугроб, прыгнула, потом ещё раз… Но всё это было уже не то. Я всё думала: ну почему не сейчас, почему в следующем году? Пока я думала и прыгала, один раз даже долетела до последней линии, но это было уже не важно. И совсем нерадостно. Ведь соревнования уже закончились, и все попытки я израсходовала. Буду ждать следующего года…

Тёмкины игрушки

Все взрослые думают: если ты девочка, значит, тебе нужно дарить куклы. А почему? У меня десять кукол, нет, одиннадцать. Они все сидят рядком, некоторые умеют закрывать глазки, две говорят «мама», когда их опрокидываешь на спину, две плачут и просят пить. Ещё у меня есть коляска. Есть мебель для кукол, игрушечная посуда, какой-то «Конструктор» из огромных кубиков, мозаика. Но почему-то мне с этими игрушками скучно.

А у Тёмки есть всё! Всё, что мне хочется! У него классные игрушки! Даже Луноход есть! Если вечером выключить свет и включить Луноход, можно увидеть, как он едет и светится! Есть у Тёмки тир. Это пистолет и специальный экран. Нужно с нескольких метров из пистолета в этот экран попасть, а потом тебе на экране покажут, сколько очков ты набрал. У Тёмки есть железная дорога! Это не просто железная дорога. Это чудо какое-то. Она огромная! И поезд по ней ходит вовсе не по кругу, а делает много петель и поворотов. Там есть и стрелки, и шлагбаумы. У поезда четыре вагона, и они как настоящие! Ещё у Тёмки есть хоккей. Это настольная игра. Моя любимая. Мы так давно с Тёмкой играем, что выиграть друг у друга – целое дело! У Тёмки несколько немецких «Конструкторов». Они очень сложные и лежат в огромных коробках. В этих коробках всё по ячейкам. Все детали «Конструктора» металлические. К нему прилагается инструкция – целая книга про то, что можно из этого «Конструктора» сделать. Но Тёмка редко с ним играет один, он любит это делать с папой. Вчера они целый вечер делали ветряную мельницу. Какая штука получилась, скажу я вам! А недавно они собрали экс-ка-ла-тор. Или эс-ка-ла-тор. Нет, экс-ка-ва-тор. Я даже не знала, что такая машина есть! Дядя Толя мне рассказал, для чего экскаватор нужен: так как у него большой ковш, то такой машиной очень удобно копать. Своим ковшом экскаватор поднимает столько земли, сколько не смогут приподнять на своих лопатах и пятьдесят землекопов! Вот какая это машина. Тёмка аккуратно складывает детальку к детальке после того, как поиграет в «Конструктор». И если разрешает мне что-нибудь простенькое из него собрать, то потом следит, чтобы я всё аккуратно разобрала и положила по местам.

Как-то раз Тёмкин папа уехал в командировку. А когда вернулся, привёз нам подарки.

– Оля, иди к Тёмке, дядя Толя приехал, тебя зовёт, – сказала бабушка.

И я побежала наверх. А когда пришла, на столе возле лампы увидела маленький домик с красной черепичной крышей, крошечной трубой, белыми окошечками и зелёными ставенками. У домика было два этажа, на втором этаже был красивый круглый балкон. А рядом с домиком зеленел газон с цветочками. Я даже глаза потёрла от удивления: показалось, будто я попала в сказку и увидела домик гномика.

– Тёмка, что это? – спросила я.

– Такая вещь! Папа привёз из командировки, – начал объяснять он. – Этот домик мы вчера склеили, представляешь, по картинке! В коробке были все детали. Я сначала сам ничего не понял, но папа показал на картинку, которая на крышке коробки, и я увидел вот этот домик, а потом мы вместе его собрали. Как настоящий, правда?

– Правда! – воскликнула я.

– У меня ещё есть такая же коробка, – радостно сказал Тёмка. – Папа пообещал, что вечером будем новый домик делать: тот посложнее будет.

Тёмка вытащил запечатанную в плёнку маленькую коробочку и протянул мне. Я взяла в руки это маленькое чудо и увидела голубой домик, ещё красивее сделанного, – с башенками, крошечными окошечками, винтовыми лестницами…

– Это мне? – тихо спросила я.

– Тебе? – удивился Тёмка. – А, точно… Тебе же тоже домик привезли, – и он достал картонную коробку размером с книгу. На коробке тоже был нарисован домик, но он очень сильно отличался от Тёмкиного.

Ещё надеясь на чудо, я открыла коробку. В ней лежали четыре стены, сделанные из фанеры, и два куска красного картона для крыши. В моих глазах появились слёзы. Чтобы Тёмка их не видел, я быстро отошла к окну и стала собирать свой домик. В комнату заглянула Тёмкина мама, тётя Оля.

– Ну что, понравился подарок? – спросила она.

– Спасибо. Очень, – ответила я, не поворачиваясь, как будто сборка домика для меня была сейчас важнее всего.

– Хорошо, скоро будем кушать, – ответила тётя Оля и вышла из комнаты.

– Чего ты там возишься? – удивился Тёмка. – Я его вчера за минуту собрал.

Он подошёл к окну и взял в руки детали. Пока он складывал четыре стенки друг с другом, я кулаком вытерла слёзы.

– Вот и всё! – весело сказал он, поворачиваясь.
– Вот и всё, – ответила я печально.

Весенняя дрёма

Когда бабе Вале некогда с нами заниматься, чтобы быть уверенной в том, что мы ничего не натворим, она выдаёт нам кисточки, краску и бумагу. Ставит что-нибудь на стол и просит это нарисовать. Но делает она так не часто, потому что, бывает, после таких рисунков ей приходится делать генеральную уборку в комнате.

Сегодня баба Валя говорила подруге по телефону, что мы её «совершенно вымотали». Или «замотали»… Или «измотали»… Не помню точно. Мы орали, прыгали с кроватей на пол, брызгались и даже кусались. Потом она, что называется, с боем нас накормила, потому что есть не хотелось, ну а бабе Вале зачем-то нужно, чтобы мы обязательно всё съели. Теперь она поставила на стол прозрачную высокую вазу с веточками вербы и позвала нас. Каждый такой рисунок – соревнование, кто лучше. Раньше мы рисовали, кто быстрее, но баба Валя сказала, что в искусстве главное не скорость, а качество.

На дворе весна, птички поют, солнце ярко светит… Чтобы оно нам не мешало, баба Валя прикрыла шторы. В комнате тепло и тихо, только часы тикают… Вдруг смертельно захотелось спать. Чтобы не уснуть сразу, смотрю во все глаза на Тёмку: он карандаш точит.

Иногда на меня нападает дрёма. Это такое состояние, когда ничего делать не хочется и до щекотки приятно смотреть, как что-нибудь делает кто-то рядом. Я опустила голову на руки: наблюдаю за Тёмкой. То посмотрю, то закрою глаза и не смотрю. Хорошо…

– Ну, чего? – спрашивает Тёмка. – Поехали?

– Поехали, – отвечаю по привычке.

Я люблю рисовать. Наверное, потому что у меня получается. А Тёмка рисовать не любит, потому что у него не совсем получается. Вот, например, перерисовать танк из книжки он может, а нарисовать что-то из головы – нет. Сегодня из головы ничего выдумывать не надо: сиди, рисуй вазу. Этого Тёмка тоже не любит, но дело в том, что после того, как мы нарисуем, обязательно дадут что-нибудь вкусненькое.

Мы начинаем рисовать. Тёмка, как всегда, высунул язык и уже стирает жирную полоску от карандаша. Сколько раз ему говорила, что незачем так давить: потом только грязь

остаётся, если неправильно нарисовал, придётся стирать, но он ничего не понимает… Я быстро нарисовала вазу и несколько веточек вербы: теперь буду раскрашивать.

Тёмке надоело возиться с вазой. Линии у него получаются либо кривые, либо волнистые. Тогда он берёт линейку и рисует вазу по линейке. Недолго думая, по линейке рисует и веточки, стоящие в вазе, а потом дорисовывает кругляши пушистых почек и косится на меня.

Я возмущённо соплю. Он знает, что я так не люблю. Но мне так хочется спать и отчего-то совсем не хочется спорить. В солнечном лучике кружатся пылинки. Это красиво. Глаза просто закрываются сами собой. Тёмка тоже начинает подпирать голову руками и тереть глаза кулаком.

Коричневая, голубая, изумрудно-зелёная краска – вот и картинка моя готова. Я опять кладу голову на стол, а потом перехожу на диван. Тёмкина спина согнута, голова на одной руке, другая рука водит кисточкой по бумаге; стул под ним поскрипывает… Спит? Не спит? Спит?

Какой стул у него сказочный! Но почему-то я не удивляюсь. Тут и Тёмка на диван перебирается. Диван у Тёмки большой-пребольшой, мягкий. Мы молчим. Но это какое-то правильное молчание.

Когда баба Валя приносит сладкий пирог, мы уже спим.

Читаем книжку

Лучший подарок – это книга. Так говорят бабуля и дедуля. Я тоже так считаю. Все свои книжки я знаю почти наизусть. Книг у меня много, потому что все друзья и родные дарят мне книги. У меня уже целая библиотека.

Бабулечкин книжный шкаф наполовину мой. На трёх больших полках в ряд стоят детские книги. Тонкие и толстые, высокие и низкие, в разноцветных переплётах и даже без них. Как это я так читала, что оторвала переплёт, не помню! Но знаю, что эти книжки болеют. С ними нужно быть очень осторожной. Так меня дедушка научил.

В детстве, когда я была совсем-совсем маленькой и ничего не понимала, некоторые книжки я даже грызла! Правда! Когда подросла, у меня появилась новая игра. Я вырезала из книг картинки. Помню, из красивой и красочной книжки про Дюймовочку вырезала много крохотных эльфов и саму маленькую девочку. Вырезанные картинки я аккуратно складывала и перекладывала весь вечер, а потом они куда-то запропали. Книжка осталась, но читать её было нельзя. С одной стороны дырки вместо картинок…правда, они читать не мешали. А вот с другой стороны страницы очень часто вырезанная картинка шла как раз по тексту.

Однажды дед увидел меня за таким занятием, забрал ножницы и сказал:

– Знаешь, кто такая книжка? Книжка – это твой друг. Понимаешь, почему?

Я отрицательно покачала головой.

– Потому что она доставляет тебе радость, рассказывая о приключениях и путешествиях. Потому что она даёт тебе добрые советы. Потому что объясняет, чего нужно опасаться и чему радоваться. А что делаешь ты со своим другом?

– Что? – тихо спросила я, опустив голову.

– Обижаешь. Ты делаешь книжке больно.

– Она же неживая, – ответила я, защищаясь.

– Она живая! – воскликнул дедушка. – Она живая и даже говорящая! Ведь ты можешь её услышать, когда читаешь. А вот когда ты вырезаешь картинки, то губишь книжку: на всех испорченных тобой страницах она замолкает. Поняла?

– Поняла, – ответила я, – почитай мне, дедушка.

– Что почитать?

Я протянула изрезанную книжку.

– Нет уж, червяк, сама читай свою книжку.

– Почему «червяк»?

– Ну, не червяк, так жук-короед. Ты смотри, как погрызла листы! И не смей мне носом шмыгать. Сама виновата! Жучонок, – уже ласково добавил под конец дед, потрепав меня по волосам.

С тех пор я книги берегу.

Я конечно, умею читать. Но очень люблю, когда мне читают вслух. Чаще всего это делают бабушка или мама. Правда, их ещё нужно поймать. Они всегда очень заняты. То готовят на кухне, то убирают, то разговаривают по телефону.

– Баб, почитай! Ну почитай!

– Сейчас, доглажу и почитаю.

Вот уже всё переглажено, а бабушка побежала за чем-то к соседке. Потом позвонила какая-то родственница, и бабушка засела за разговоры. Потом обычно ещё что-то случается. Мама тоже не сидит на месте.

– Мам, ты свободна?

– Занята. А что?

– Почитай мне.

– Не маленькая. Почитай сама.

– Ну, мам!..

– Ты видишь, я складываю вещи в командировку.

– Я думала, ты просто их перебираешь…

И так почти каждый день. Но бывают и счастливые часы! И кто-нибудь соглашается мне почитать. Это так здорово! Я забираюсь на кровать, мама или бабушка ложатся рядом с книгой. Я даже подпрыгиваю от нетерпения и радости. И вот тут происходит самое удивительное. Как только мне начинают читать книгу, интерес мой сразу пропадает… Мне хочется сбежать. Делать что угодно, только не книжку слушать! Я начинаю канючить и, кое-как дослушав страницу, убегаю к игрушкам. Бабушка говорит, что я люблю ожидание, а не само чтение.

Но однажды всё изменилось. Мы с Тёмкой возились с игрушками на полу. В комнату вошла тётя Оля и сказала:

– Вы бы чем-нибудь полезным занялись.

– Это чем? – спросил Тёмка.

– Почитали бы, например.

– Ой, нет уж, – запротестовал Андрей, – я вчера уже читал.

– А ты сегодня почитай и Оле дай книжку, у нас много интересных книг есть.

– Да? – спросила я: раньше мне в голову не приходило посмотреть Тёмкины книжки. – Я люблю картинки рассматривать.

– Вот и возьми, посмотри, – ответила тётя Оля.

– Чего их смотреть? Ну, пусть смотрит. На, гляди, – и Тёмка открыл дверцу шкафа, очень похожего на наш книжный шкаф.

У него было столько же книг, сколько и у меня. Руки сами потянулись к разноцветным корешкам. «Какую бы выбрать?» – думала я, а пока выбирала, подлетел Тёмка.

– Вот эту будем читать! – крикнул он, вытаскивая какую-то книжку про машины.

– Нет! – ответила я гордо. – Вот эту, – и потянула за толстую книгу, на которой золотыми буквами было написано «СКАЗКИ».

– Ты чего? Отдай! Вот эту будем!

– Она неинтересная.

– Интересная.

– Нет, неинтересная. Я её уже тысячу раз слушал!

– А я не слушала, – возмутилась я.

– Вот что, – ответила тётя Оля, отнимая у нас книгу сказок, в которую мы вцепились с двух сторон, – я почитаю вам сама. Про Томку.

– Про что? – спросил Андрей вредным голосом.

– О пёсике по имени Томка.

– Вот ещё, – не унимался Тёмка, – лучше про транспорт почитай.

– Давайте про Томку, – пискнула я.

– Гостю нужно уступать, – погладив Тёмку по голове, сказала тётя Оля.

– Ну и пожалуйста, – ответил Тёмка, отвернувшись к стенке, – мне не очень-то и хотелось читать. Читай ей про Томку.

– Не «ей», а Оле, – поправила тётя Оля, – тебе тоже про него полезно послушать.

Андрей демонстративно передвинулся подальше, но никуда не уходил: сразу стало понятно, что он тоже будет слушать.

Тётя Оля открыла книгу и начала читать. Раньше я никогда не слышала, как она читает. Я вообще никого, кроме своих родных, не слышала. Сначала даже не поняла, что она читает. Мне показалось, будто тётя Оля просто быстро-быстро заговорила о чём-то. Сижу, слушаю и ничего не понимаю! Вернее, слова-то я различаю, но все вместе они никак в моей голове не складываются.

«Что такое? – думаю. – Про что она говорит?» – и только когда она быстро перелистнула страницу, поняла: это тётя Оля так читает! Быстрое однообразное бормотание никак не напоминало моё домашнее чтение. Смотрю на Тёмку: он молчит и слушает… Я ничего

никому не сказала, но с той поры стала очень дорожить теми часами, когда мама или бабушка соглашались мне почитать. Я сижу смирно и внимательно слушаю всё-всё до самого конца. Ведь когда читают они, герои сказок словно бы оживают: я слышу их смех, шёпот… Я даже иногда слышу шум улиц, моря, голоса птиц и зверей… И сама смеюсь вместе с героями книг, плачу вместе с ними, прячусь под одеяло, когда мне за них страшно, пытаюсь дать советы маме, когда героям требуется подсказка, которая буквально лежит на поверхности, но которую они никак не могут увидеть. Теперь я действительно люблю, когда мне дома читают книги.

Спорщики

Бывают у нас с Тёмкой такие дни, когда мы спорим, не переставая. Спорим обо всём подряд! И что это с нами такое случается? Нет ответа! Как-то сидим мы с Тёмкой, рисуем веточку сирени.

– А ты знаешь, – говорю, – что у сирени бывают цветочки с пятью лепестками?

– Не мо-жет та-ко-го быть! – с силой давя на карандаш, отчеканил Тёмка.

– Как «не может»? – воскликнула я. – Я сама видела!

– Враки.

– Сам ты… враки! На этих цветочках ещё желания загадывают! Дай мне вон тот лиловый карандаш, я раскрашивать буду.

Тёмка приподнял голову над рисунком, посмотрел на карандаши и сказал:

– Тут нет лилового.

– Как это нет? – удивилась я. – Давай сейчас же!

Что это такое?!

– Да что ты орёшь!

Я его тебе где дам? Тьфу!

Как возьму? Тьфу ты! Где я его возьму тебе?

– Вон он, лежит на краю! Ты что, слепой?

– Это ты слепая. Это не лиловый, а сиреневый.

– Это!.. Это!.. Много ты понимаешь! Лиловый!

– Сиреневый!

– Ты этот, как его… слепоток, вот! – гордо выпалила я.

– Кто? – нахохлился Тёмка.

– Слепоток.

– Это кто такое? – удивился Тёмка.

– Это что такое! – высунув язык, сказала я.

– Сейчас как дам тебе в лоб!

– Я сама тебе сейчас как дам!

Тут вошла баба Валя.

– Она первая! – завопил Тёмка. – Она обзывается!

– Я не обзываюсь, – запищала я. – Это такое заболевание.

– Какое заболевание? Что происходит? – спросила баба Валя.

– Слепоток. Заболевание. Он цвет не различает.

– Кто не различает цвет? – удивилась баба Валя.

– Вот он! – ткнула я пальцем Тёмку в бок.

– Ах, ты так! Ну, на тебе!..

Тут мы стали кидаться друг в друга сначала карандашами, а когда те закончились, похватали свои альбомы и уж было начали ими драться, но баба Валя схватила нас за шкирки.

– Не «слепоток», а дальтоник. Это во-первых. Во-вторых, сейчас же прекратите, или я поставлю всех по углам.

– Я и говорю! Татоник! Он не знает, какого цвета этот карандаш! – закричала я, вырываясь и поднимая с пола лиловый карандаш.

– Он сиреневый! Баба! Он же сиреневый?

– Он розовый, – ответила баба Валя. – А лиловый – это чёрно-фиолетовый.

– Да? – хором выдохнули мы с Тёмкой.

– Или бордовый…. Точно не помню.

– Ну, не важно, – сказал Тёмка. – Главное, что этот карандаш не лиловый, а розовый.

– И не сиреневый!

– И не лиловый!

– И не сиреневый!

– У нас в редакции дизайнеры есть. Сейчас позвоним и спросим. Самой интересно.

Баба Валя позвонила в редакцию и долго с кем-то говорила. Сначала о погоде, потом об огороде, потом о каком-то авансе. Мы уже и стояли, и сидели рядом, и подпрыгивали, и раскачивались от нетерпения. Наконец она заметила нас и, вспомнив, зачем мы стоим рядом, спросила свою знакомую о лиловом цвете.

– Ну, всё понятно, – сказала она, закончив разговор и поворачиваясь к нам. – Лиловый – это цвет, который образуется, если смешать красный и синий. Понятно?

– Понятно, – ответили мы. Хотя было совершенно непонятно. Когда баба Валя вышла, мы побежали за красками, тут же смешали красный с синим и… получили совершенно разные цвета! *Я* – фиолетовый, Тёмка – бордовый. Потом ещё раз смешали, и ещё… цвет ни разу не повторился. Так мы и не поняли, какой он, этот лиловый.

После обеда сели книжку смотреть про животных. А там, как назло, нет подписей под картинками. Когда дошли до гиппопотама, я говорю:

– Смотри, какие уши у гиппопотама маленькие!

– У какого гиппопотама? – удивился Тёмка.

– Как у какого? У этого! – ткнула я пальцем в картинку.

– Ну, ты уж совсем. Того… Это же бегемот!

– Сам ты бегемот! Это гиппопо, который гуляет по Лимпопо! Ещё стихи есть такие!

– Не знаю я никакого гиппопо! Это бегемот. Спорим на сто щелбанов?

– Спорим, хоть на тысячу!

Мы побежали к бабе Вале на кухню. Она сосредоточенно читала какие-то рецепты.

– Баба! Баба! Кто это? – Тёмка сунул книгу с животными бабушке под нос.

– Батюшки! Осторожней! Где? Это бегемот. Идите отсюда.

– А! – заорал победно Тёмка. – Что я говорил! Давай свой лоб, кулёма!

– Нет! Это гиппопотам! – завизжала я тут же.

– Ну да, – отмахиваясь от нас руками, сказала баба Валя. – Бегемот или гиппопотам, какая разница? И так и так можно.

Мы удивлённо захлопали глазами.

– А такое может быть? – спросил Тёмка.

– Может. Всё может быть, всё может быть, – отвечала баба Валя, глядя в книгу, – особенно сода и ванилин.

– Пошли, – потащил меня в комнату Тёмка. – Сейчас я тебе покажу что-то.

Мы пришли в комнату. Тёмка опять взял книгу о животных: полистал её недолго и приблизил ко мне картинку со львом.

– Как считаешь: это кошка?

– Какая же это кошка, – изумилась я, – это же лев!

– А вот и нет, а вот и нет! Это кошка!

– Да какая же это кошка! Грива вон, смотри, пышная! Кисточка на хвосте. А зубы какие! Это лев. Я что, льва не знаю?

– Лев – он и есть кошка!

– Ты обманываешь!

– Ничего не обманываю!

– А это тоже кошка? – показала я на тигра, нарисованного на соседней странице.

– Это тигр, – ответил Тёмка. – Почему кошка? Тигр, и всё.

– Это тигр, и всё? А этот лев – кошка, значит? Может, этот тигр – собака или крокодил?

– Этот лев – кошка. Мне мама сказала.

– Она пошутила.

– Ты кулёма!

– А ты тундук!

– А ты чучундра!

– А ты… А ты….

Тут в комнату вошла тётя Оля: она вернулась с работы и услышала наши крики.

– Кто чучундра? Что случилось?

– Чучундра – она! Мам, это же кошка?

– Это лев, – ответила тётя Оля, – но семейство, к которому относится животное, действительно называется кошачьим.

– Поняла? – заорал мне в ухо Тёмка.

– Ну не кошка же он! – заорала в ответ я.

– Хватит ссориться, – сказала тётя Оля, устало садясь на диван и перелистывая страницы книги. – И леопард, и ягуар, и тигр – все относятся к семейству кошачьих. Они и правда очень похожи на кошек.

– Тигр, по-моему, не кошка, – съязвила я, замахиваясь на Тёмку.

– Почему ты гиппопоТАМ, когда ты гиппопо ТУТ! – съехидничал Тёмка, стукнув меня по лбу.

– Мяу, – вдруг раздалось из коридора. – Мяу!

Дверь отворилась: мы увидели дядю Толю – он стоял на четвереньках и виновато мяукал. Это выглядело так смешно! Мы забыли, что ссоримся, и побежали к нему, а потом кинулись на пол и стали мяукать на разные голоса.

– Ты вовремя, – вздохнула тётя Оля, вставая, – а то я уж думала, быть сегодня кому-нибудь с лиловым фингалом под глазом.

Мы с Тёмкой замерли.

Тяжело быть хорошим?

Баба Валя схватила нас за шкирки и сильно тряхнула.

– Сколько можно баловаться? Когда вы научитесь вести себя нормально? Я вас спрашиваю?

Вообще-то нам достаётся часто. Каждый день или через день. И всё из-за того, что ничего нельзя. Ну просто ничегошеньки нельзя делать! Плевать с балкона нельзя? Нельзя. Спички брать нельзя? Нельзя. Кричать нельзя? Нельзя. Бегать по квартире нельзя? Нельзя. А что тогда можно?

– Почему вы не играете, как все нормальные дети? – продолжала баба Валя.

– Это какие? – ехидно спросил Тёмка.

– Такие! – тряхнула его бабушка. – Сидите, рисуйте или читайте. Тихо и мирно. Вы понимаете, что вы натворили? Или нет?

Вчера Димка показал нам одну интересную вещь. Это была маленькая картинка под толстым слоем прозрачного пластика. Он сказал, что это вовсе не пластик, а застывший жидкий клей! Самый обыкновенный клей, канцелярский. Просто выдавливаешь его на картинку, ждёшь, когда он равномерно растечётся по всей поверхности, а потом кладёшь сушиться на окно. Чем больше клея выдавишь, тем толще будет прозрачный слой. Нам эта идея понравилась, и мы решили сделать то же самое.

Я выбрала обыкновенный календарик с цветами, Тёмка нашёл маленькую картинку с каким-то корабликом. Мы вылили на них весь большой тюбик клея и положили на подоконник сушиться до завтрашнего утра. А утром оказалось, что наши картинки прилипли к «дорогущим портьерам», как сказала баба Валя. И нам устроили трёпку.

– Может, вы просто не понимаете, что значит хорошо себя вести? – не могла остановиться баба Валя.

– Есть кашу и чистить зубы. Отпусти, – попытался выбраться из сильных рук бабушки Тёмка.

– Стоять! – скомандовала она.

– А ещё слушаться старших и делать только так, как они хотят, – грустно продолжила я.

– Правильно, – ответила баба Валя. – Вот я хочу сегодня вас не слышать и не видеть.

– Тогда мы на улицу, – обрадованно крикнул Тёмка.

– Нет! – отрезала баба Валя. – Вы в комнату. Но если ещё что-то такое придумаете, я вас точно ремнём выпорю. Понятно?

Я кивнула головой. Тёмка сердито посмотрел на бабушку. Когда баба Валя вышла из комнаты, он сказал:

– Всё. Настроение испорчено. Ничего делать не хочу.

– А я, знаешь, почему-то хочу делать, но что-нибудь плохое.

– Что, например?

– Не знаю. Стукнуть, что ли, кого-то… или разбить что-нибудь…

– Вообще-то, я тоже. Вот сейчас так бы и пнул этот шкаф, да ногу жалко.

– А я бы что-нибудь в окно выбросила.

– А я бы кулаком стул сломал.

– А я бы… интересно, если людей просят плохое сделать… они хотят сделать хорошее?

– Не узнаем.

– Что не узнаем?

– Не узнаем, хотят ли они сделать хорошее.

– Почему?

– Тебя что, когда-нибудь просили сделать плохое? «Олечка, иди тарелочки все перебей»? – Тёмка даже засмеялся от этой мысли.

Я тоже улыбнулась:

– Это ещё хорошо, что родители половину про нас не знают!

– Точно, а то бы каждый день «скорую помощь» бабушке пришлось вызывать. А давай вот что… давай устроим тара-рам!

– Это как?

– Это вот так!

Тёмка схватил две линейки и начал барабанить ими по всему, что попадалось под руку. Получилось очень весело и шумно. Я схватила карандаш со спицей и тоже стала стучать. Тут же в комнате появилась баба Валя:

– Я вас, кажется, просила не шуметь. Вы что, назло мне это делаете?

Что она говорила дальше, слышно не было, потому что Тёмка добрался до металлического каркаса лампы.

БАМ! БАМ! БАМ!

– …говорю…

БУХ! БУХ! БУХ!

– …устала…..сил…

Баба Валя вышла из комнаты, захлопнув дверь. Мы ещё немного постучали и вместе прекратили.

– Послушай, – вдруг сказала я, – она там плачет, кажется.

– Кто плачет?

– Бабушка твоя!

– Не может быть! Она никогда не плачет.

– Ты послушай!

В квартире действительно раздавались какие-то всхлипывания и причитания. Мы открыли дверь и на цыпочках вышли в коридор.

Баба Валя сидела на кухне и вытирала фартуком глаза.

– Баб, ты чего? – осторожно спросил Тёмка.

– Баба Валечка, не плачь. Мы больше не будем.

– Ну, бабулечка, – испуганно заговорил Тёмка, – дорогая бабулечка…

– Простите нас, баба Валя.

Мы больше не будем так делать, правда.

– Не будем, бабушка. Не будем. Хочешь, я тебе помогу?

Чем тебе помочь?

Баба Валя убрала руки от лица и заулыбалась сквозь слёзы:

– Всё-таки вы у нас шкодливые, но добрые дети. Я всегда это говорила.

Мы обняли бабушку с обеих сторон.

– Да ладно уж. Прощаю, конечно. Это я не из-за вас. У меня весь день кувырком. Тесто не поднялось, молоко убежало. Тут вы ещё мне работу подкидываете каждый день. То химчистка, то мастерская… И не слушаетесь! Очень мне тяжело становится с вами сидеть. Старая я становлюсь.

– Да что ты, бабушка! – воскликнул Тёмка. – Ты совсем не старая!

– Вы у нас молодая бабушка!

– Ах вы, подлизы! Ладно, идите к себе – и уж, пожалуйста, ведите себя хорошо.

– А помочь?

– Не нужно мне помогать. А то после такой помощи ещё помощников искать нужно будет.

Мы вернулись в комнату и первым делом всё в ней убрали и аккуратно расставили.

– Что-то мне так и хочется хорошее делать! – сказала я Тёмке.

– И мне тоже!

– Что сделаем?

– Даже не знаю.

– Ну, бабушка же сказала: рисуйте и читайте. Давай рисовать.

– Давай ей что-нибудь нарисуем на память!

– Давай.

– Корабль с пушками!

– Ты обалдел? Зачем ей корабль с пушками? Давай цветы нарисуем!

– Не люблю я цветы рисовать!

– А кто спрашивал тебя, что ты любишь? Ты хочешь хорошее бабушке сделать, вот и делай. Когда хорошо, нужно дарить цветы.

– Ну, давай рисовать цветы, – вздохнул Тёмка, – только меня не хватит надолго. Очень тяжело быть всё время хорошим.

Бомбочки!

Вообще-то у Тёмки много всяких «стрелялок» и «взрывалок». Где он их берёт, я не знаю. Пистоны – это самое простое. Даже я знаю, где это купить. У меня нет пистолета для пистонов, но Димка, наш сосед, сказал, что пистоны стреляют и без пистолета, нужно только на ленту с коричневыми кружочками точно уронить кирпич! БАХ! БАХ! Вот тебе и всё!

Ещё Тёмка делает бомбочки. Эти бомбочки иногда взрываются, но больше дымят и шипят, а ещё больше не шипят и не дымят. Ничего не делают. Чтобы сделать «дымовуху», так он называет дымящиеся бомбочки, нужно сложить целлулоидную закладку, которую можно купить в магазине «Школьник» за углом, закрутить в саму бомбочку и поджечь. Тёмка называет бомбочку капсулой. Может, потому что она похожа на большую таблетку, только с резьбой посередине?

Но меня эти «стрелялки» сами по себе не интересуют. Ну то есть играю я в них только вместе с Тёмкой, а если пойду играть во двор с Аней или Мариной, то про бомбочки и не вспоминаю. Вот какая штука.

Тут попался нам с Тёмкой журнал: в нём говорилось, как из бумаги сделать кораблики, самолётики и бомбочку! Нам это показалось очень интересным: как это – из бумаги бомбочку сделать? Сели мы за работу – взяли каждый по листу бумаги и начали складывать.

– У тебя получается? – каждую секунду спрашивает Тёмка. – Получается?

– Не получается пока, – отвечаю.

– И у меня не получается, – сопит Тёмка, – как-то мы неправильно делаем, наверное.

– Дай другой лист, – говорю, – мой уже на тряпочку похож.

– На, бумаги на тебя не напасёшься, – ворчит Тёмка, а потом себе, главное, тоже новый лист берёт.

– Ну что, получается? – спрашивает.

– Ты слепой, что ли? Видишь, не получается!

– И почему это у тебя не получается? – ехидно интересуется Тёмка. – Там же всё на картинках нарисовано, даже циферками подписано, что за чем нужно делать…

– Будто у тебя получается! – возмущаюсь я. – Ты свою бомбочку складывай, а на мою не смотри.

Мы отвернулись друг от друга в разные стороны. Я вообще спустилась на пол. Через некоторое время слышу – Тёмка сопит у меня возле уха.

– Нет, – говорит, – мы не сделаем, надо папу звать.

Позвали мы Тёмкиного папу, он как раз дома был. Дядя Толя быстро показал, как нужно бомбочки складывать. Надул одну – и как хлопнет! БАХ! Вот здорово!

– Теперь сами, – говорит.

Мы принялись за дело с новыми силами. Складывали, складывали – ничего у нас не получается.

– Или мы с тобой дураки, – говорит Тёмка, – или я ничего не понимаю.

– Зови папу, – развожу руками я.

Снова пришёл дядя Толя. Он взял лист бумаги и стал объяснять нам, как нужно складывать бомбочку. Но вот что удивительно: пока он объяснял, всё было понятно и просто. И даже наоборот, совсем непонятно, зачем мы его позвали. Всё же ясно! А как только он ушёл, всё сразу стало опять сложным… Что за напасть такая?

Когда мы третий раз позвали дядю Толю, вместе с ним пришла тётя Оля.

– Я, – говорит, – хочу посмотреть, что это за сложную работу вы делаете.

– Смотри, – ответил Тёмка, – это же ужас что такое!

Тёмкина мама внимательно посмотрела на схему, потом выслушала, что нам объяснял дядя Толя, и говорит:

– Толя, ты им неправильно показываешь. Ты возьми и начерти карандашом на листе те линии, которые они должны загнуть. Пусть сначала так попробуют.

– Они что у нас с тобой, глупенькие, что ли? – удивился дядя Толя.

– Мы не глупенькие, – раскипятился Тёмка, – я всё понял, спасибо.

И давай папу с мамой к двери подпихивать! Дядя Толя и тётя Оля ушли, а мы опять стали складывать свои бомбочки… и опять у нас ничего не вышло.

– Кто тебя за язык тянул, зачем сказал, что ты всё понял, – заворчала я, – так мы их никогда не соберём, уже звать неудобно!

Тёмка засопел, но ничего не ответил. В этот момент в комнату заглянула тётя Оля: она сразу поняла, что ничего у нас не выходит. Сев за стол, она взяла бумагу, линейку и карандаш. Сначала сложила бомбочку сама и отложила в сторону. Взяла ещё один лист и аккуратно начертила линии сгиба. Протянула лист мне.

– А мне? – забеспокоился Тёмка.

– И тебе, – ответила тётя Оля, а потом сделала Тёмке такой же лист, как и мне, – попробуйте сложить.

Мы наперегонки давай бомбочки складывать! И вот что удивительно: сложились бомбочки-то!

– Ура! – завопил Тёмка. – Получилось!

– Ну и молодцы, – сказала тётя Оля и ушла, а мы стали новые бомбочки делать. Но оказалось, всё-таки дело это не такое простое. Чтобы сделать новые бомбочки, нам иногда приходилось разворачивать старые. Никак не запоминалось, что и куда нужно сложить. Правда, через некоторое время всё стало получаться – я даже перестала смотреть на рисунок. Весь вечер мы хлопали и хлопали – до тех самых пор, пока в комнату не вошла баба Валя и не сказала, что ей это всё надоело. Тогда мы с Тёмкой перешли на балкон. Там хлопать было веселее, так как на нас смотрели все, кто проходил снизу.

– Слушай, – говорит Тёмка, – а давай воды внутрь нальём… и будем с балкона бросать?

– Давай, – говорю, а сама думаю: «Нет, не выдержит бумага воды».

Побежали мы в ванную комнату. Налили в бомбочки воды. И, знаете, держится вода! Побежали на балкон. Швырь! Швырь! БАХ! БАХ!

– Здорово! – завопила я.

– Здорово! – подхватил Тёмка.

Бомбочки у нас быстро закончились. Мы побежали за бумагой и наделали новые. Затем снова заполнили их водой и начали вниз с балкона кидать. Тут, как назло, шёл дядя Митя: это старший по нашему дому. Только он из-за угла, а тут – БАХ! – рядом с ним наша бомбочка упала…

– Что это такое! – закричал дядя Митя, поднимая голову вверх и показывая нам кулак. – Кто это так хулиганит, сейчас милицию вызову! Что натворили, паршивцы! Это надо ж!

Что мы там натворили, мы уже не слышали, так как забежали в квартиру и забрались под стол.

– Что это вы затихли? – удивилась тётя Оля, которая вернулась с кухни.

– Ничего, – отвечает Тёмка.

– А чего же под столом сидите? – спросила она.

Ответить мы не успели: раздался звонок в дверь. Тётя Оля пошла открывать.

– Что сейчас будет? – шепчу я.

– Страшное дело, – отвечает Тёмка, вытаращив глаза.

Мы слышали только бормотание, а потом услышали, как закрылась входная дверь…

– Вы зачем кидали бумагу вниз? – строго спросила вернувшаяся к нам Тёмкина мама. – Немедленно подберите всё до последнего листочка, немедленно!

Мы выскочили из-под стола и побежали на улицу. Собираем бумагу, я Тёмке говорю:

– Ничего, что он тёте Оле про бумагу наябедничал, а если бы про то, как мы его напугали?

– Так он глухой! – ответил Тёмка. – Он нашу бомбочку не слышал, только бумагу видел!

Сказал – и давай смеяться! Я тоже начала.

– А вода? Из бомбочек вода в разные стороны выливалась!

– Ну уж это я не знаю, – отвечает Тёмка.

– Он нас пожалел, наверное, – говорю.

Но всё-таки после этого случая больше мы бомбочки с балкона не кидали.

Игрушки в детский дом

Как-то раз тётя Оля зашла в комнату, в которой мы с Тёмкой играли, и сказала:

– К нам на работу приходила женщина из детского дома и просила собрать ребятам игрушки. Хотите помочь детишкам, у которых нет родителей?

Мы с Тёмкой переглянулись.

– Конечно, – говорим, – а что нужно?

– Нужно всё, чего не жалко. Ведь у вас много всего, вот и поделитесь.

Я ещё поиграла немножко у Тёмки, потом пошла домой и всё думала: чего же мне не жалко? Оказывается, мне жалко всё! Вот какая я странная! Я достала коробку, где хранила игрушки, из-под шкафа и начала перебирать свои сокровища.

Вот замечательная лошадка из дерева, розовая и вся в цветах: я давно с ней не играю, но тут решила покатать на ней куклу-принцессу… Кукла-принцесса была старая-старая, волосы давно заменены на вату – не лысой же ей ходить! Я с ней давно не играла, но подумала, может, ещё и поиграю: вон у меня кусочков ткани сколько, можно ей платье красивое

сшить… Достала из коробки резиновую пружинку: это моя любимая вещь! К ней можно прицепить что-нибудь и качать, качать… А вот этим стеклянным шариком, который я нашла во дворе, можно сбивать разные мелкие штучки, если разложить всё на полу и самой лечь на живот. Очень интересно! Так я перебирала свои игрушки, пока, наконец, не поняла, что все они мне нужны. Что все они могут пригодиться… то есть, получается, отдать мне решительно нечего.

Я разделась и легла спать, но уснуть никак не могла. Всё вертелась и думала: как это жить без мамы, папы, бабушки и дедушки? Кто тебя хвалит? Гладит по голове? Кто водит тебя гулять в парк? Потом я стала думать: что было бы, если бы у меня не было родных? И мне стало грустно: я залезла под одеяло с головой и стала плакать. Сколько проплакала, не знаю, но помню, что меня осенила мысль: нужно отдать весь ящик со всеми своими игрушками! Пусть дети будут рады! А мне ничего не нужно, кроме моих родителей и бабы с дедом!

Как только я об этом подумала, мне стало легко и сразу захотелось спать.

Утром я подскочила на кровати и подбежала к своему ящику. Ещё раз всё перебрала, аккуратно сложила. Потом оделась и с нетерпением влетела на кухню:

– Бабуля, давай завтракать!

– Что случилось? – удивилась бабушка. – Ты как на пожаре… и колготки на другую сторону надела…

– Да мне нужно к Тёмке бежать, ящик свой отнести: тётя Оля собирает игрушки в детский дом для ребят, у которых родителей нет! – выпалила я.

– Понятно. Давай-ка, ешь, а потом колготки не забудь переодеть.

Я кое-как поела (есть я, если честно, не люблю) и понесла свой ящик на третий этаж. Как же это оказалось сложно! Пришлось останавливаться на каждом пролёте. Когда я вошла, оказалось, что тётя Оля уже ушла на работу.

– Да? – огорчилась я, с грохотом опуская свою ношу на пол.

– Ничего, – ответил Тёмка, – она и завтра может отнести.

– А ты чего отдал? – поинтересовалась я.

– Понимаешь, какая штука, – начал Тёмка, – никак не мог вчера выбрать, что отдать. Так и не выбрал.

«Жадина», – подумала я, но ничего не сказала.

– А ты чего? – спросил Тёмка.

– А вот… – я показала на ящик. Тёмка подскочил к ящику: он знал все мои игрушки, как свои.

– Давай, пока мамы всё равно нет, поиграем ими? – спросил он.

– Давай, – ответила я.

До самого вечера мы играли моими игрушками: так было весело! Тёмка придумывал им какое-то новое применение. Кукольная посудка у него стала настоящим оркестром! Мы так брякали по кастрюлькам, сковородкам и крышкам, что даже баба Валя попросила нас прекратить. Тогда мы стали играть в Троянского коня! Оказывается, был такой конь, который выиграл целое сражение! Одно войско никак не могло победить другое, засевшее в крепости. Тех, кто в крепости, очень трудно победить: так Тёмка говорит. У них стены, за которыми можно прятаться. А те, кто за стенами, как на ладони. Вот и придумали те, кто «на ладони», хитрость. Взяли пустого деревянного коня, посадили в него своих солдат и подарили воинам, охранявшим крепость. А ночью из этого коня вылезли солдаты и открыли ворота крепости. Так мы играли с Темкой до вечера. Потом, не дождавшись тёти Оли, я пошла домой.

На следующий день была суббота. Мы с моими родителями пошли в кино на мультфильмы. Потом заехали в гости к маминой знакомой, а когда вернулись домой, было уже поздно. Только в воскресенье я вспомнила про свою коробку и побежала к Тёмке. Дверь открыла тётя Оля: она как-то странно на меня посмотрела и загородила собой дверь:

– Подожди, – строго сказала она и отошла в коридор: через секунду моя коробка упала мне в руки.

– Забери своё барахло! – сказала она. – Мне весь этот мусор не нужен.

Дверь закрылась перед самым моим носом. Я потопталась на месте и стала спускаться вниз. Сначала я ничего не поняла, но вдруг мне стало так обидно, что я заплакала. Пока я шла до своего этажа, слёзы текли, не переставая. Дверь открыла мама:

– Батюшки, что случилось? – удивилась она.

– Дмя… Пря… Я… вот…

– Пойдём умоемся, котик, и успокоимся, а то я ничего не понимаю.

Я умылась и рассказала, как тёте Оле нужно было выбрать игрушки для детского дома, как я не могла выбрать, а потом решила отдать всё – и как меня отправили с этой коробкой обратно.

– Да… – ответила мама, перебирая мои игрушки. – Ты не расстраивайся. Тётя Оля, наверное, не поняла, что ты принесла всё, что у тебя есть. Ты молодец! Но если подумать и посмотреть на твои игрушки внимательно, то ты сама увидишь, что здесь не так.

– Что? – удивилась я.

– Почти нет целых игрушек, правда? – сказала мама. – Везде что-то отбито или поцарапано. Это для тебя значения не имеет, ты их любишь – и всё, а в подарок такие вещи не годятся. А вот это что? – удивилась мама, поднимая на пальце резиновую пружину.

– Это пружинка, очень хорошая, – быстро ответила я.

– А это? – опять удивилась мама.

– А это бывшее кресло, ну… спинка от него…

– Почему ты его не выбросишь? Оно же сломано!

– Как – выбросишь? Это же всё нужные вещи, – удивилась я.

– А со стороны они кажутся никому не нужными.

Мама объяснила мне, что мои игрушки ценны только для меня, так как я помню, какие они были раньше, и теперь нашла им новое применение. Я с удивлением смотрела на свою коробку. Постепенно я совсем успокоилась и даже обрадовалась, что все мои вещи останутся у меня. А мама пошла в магазин и купила несколько кукол, игрушечных колясок и мячиков, положила в красивый пакет и отнесла тёте Оле.

Стыдно

«Как тебе не стыдно, Оля!» – иногда говорят мне бабушка или мама. Говорят мне так, когда я что-то не то делаю. Но я никак не могу понять, когда я делаю то, а когда не то. Почему, например, нельзя зажигать свечки в тумбочке? У меня там домик для куклы. На двух полках стоит маленькая мебель: и диваны, и кресла, и шкафчики. И если свечку, снятую с торта после дня рождения, поставить на кукольный столик и зажечь, получается очень красиво, ведь в темноте она горит ярче. А мне говорят, что это не игрушка. Или почему нельзя покормить супом бабушкину герань? Я же не котлету ей дала, сама понимаю: если она только воду пьёт, значит, любит жижечку… Но это же неправильно! Мы все едим: и суп, и котлеты, и пюре, – и компот пьём, а герани только воду даём. Так и с голоду умереть можно! Но мне говорят, что я не права, так делать не нужно. От огня может быть пожар, а растениям вообще ничего, кроме воды, не дают.

Я слушаю, но не понимаю, почему. Может, поэтому мне не стыдно?

У нас с Тёмкой много во дворе приятелей: Димка Восёлов, Аня Марова, Костя Нотан, Марина Радулина. Мы все играем вместе, но чаще всего всё-таки с Тёмкой.

Дело было зимой, в конце февраля, когда вокруг было полно огромных сугробов. Да ещё тётя Зина каждый день подкидывала снег, и поэтому они становились всё больше и больше. Решили мы с Тёмкой прокопать глубокий лаз с самого верха сугроба до низа – да так, чтобы потом его залить и выезжать почти к самому подъезду. Сказано – сделано. У Тёмки есть две сапёрные лопатки. Мы ими целую неделю копали: думаю, ещё бы недели три копали, пока весна не началась, но тут нашей затеей загорелся Тёмкин отец, дядя Толя. Он вышел вечером мусор вынести, а потом, встав на крыльце покурить, показал нам, как нужно копать – да так сам весь лаз и выкопал со словами:

– Вот как надо! А теперь так! И вот так!

Выкопал лаз, залил его водой – и всё за один вечер! Еле-еле дождались мы следующего утра, когда вода замёрзнет и можно будет кататься. Позавтракав, вылетели на улицу – и давай нырять в свой лаз: то я, то Тёмка, то я, то Тёмка. Здорово! Весело!

Тут во двор вышел Димка Восёлов. Он нас старше на год – учится в первом классе. Но в школу ему во вторую смену. Димка сильный и смелый. Он быстрее всех бегает, лучше всех лазит по заборам, прыгает с крыши на крышу, умеет кататься на коньках и лыжах.

– Привет! – говорит Димка.

– Привет, – отвечаем.

Димка подходит к нашему лазу. Смотрю, у него глаза от удивления расширились.

– Вот это да! – говорит. – Здорово! Когда это вы такое успели выкопать! Я тут болел целую неделю.

– Да мы за неделю и сделали, – отвечает Тёмка, – а потом нам папа помог.

Пока они говорили, настроение у меня ухудшилось. Сама понять не могу, почему. Не нравится, что Димка вышел – это раз. Чувствую, сейчас в наш лаз полезет, а я не хочу, – это два. А почему не хочу, не знаю. Вредность во мне повысилась, что ли? Так про меня папа говорит, если вдруг настроение куда-то пропадает.

– Сейчас проверим, что получилось, – сказал Димка и уже собрался было нырнуть в лаз, как я возьми да и толкни его в грудь со всей силы. Димка упал, шапка отлетела…

– Ты чего? – беззлобно спросил он, удивившись.

– Ничего! – кричу.

А сама набросилась на него – и давай снегом закидывать! Кидаю снег, кидаю… Димка на спине лежит, снег с лица не стряхивает. Остановилась я… Димка встал, поднял шапку, убрал налипший на лицо снег, а потом развернулся и молча в подъезд пошёл.

И тут я вспомнила, что летом он мне помогал на велосипеде кататься, а потом притащил магнит, долго катал его в песке и целый вечер показывал мне, как бегает племя индейцев… В песке ведь есть металлические частички. Если их магнитом собрать, положить на белый лист, а под него – магнит, и начать водить, то частички «встают дыбом» и смешно бегают вслед за магнитом. Вспомнила, как мы с ним на одной крыше сидели да ногами болтали. На эту крышу из наших друзей никто залезть не мог, только мы. Но Димка мне с неё слезать помогал. Ещё как здорово он рассказывал смешные истории – очень любил, когда вокруг смеются…

Мне стало как-то не по себе. Посмотрела я под ноги, увидела замёрзший лёд в том месте, где Димкина голова только что лежала: у нас там ведро стояло с водой, когда лаз заливали…

– Ты чего? – спрашивает Тёмка. – Обалдела? Чего на человека напала? Жалко, что ли? Пусть все катаются. Я бы на его месте тебе сдачи дал. Ну да ладно. Сейчас пошире сверху лаз сделаем, и хорошо будет, – и полез со своей лопаткой внутрь.

А я стою и не знаю, что же такое со мной происходит. Плохо мне! Словами не описать. Жалко Димку, жалко, что он ушёл. Жалко себя. И так хочется ему крикнуть:

– Димка! Смотри, что мы сделали! Пошли кататься!

Но крикнуть некому. Я стою, тихо плачу, ковыряю серым валеночком снег. И тут меня осенило: может, это мне стыдно?! Если так бывает стыдно, то никогда, никогда больше не хочу, чтобы так мне было…

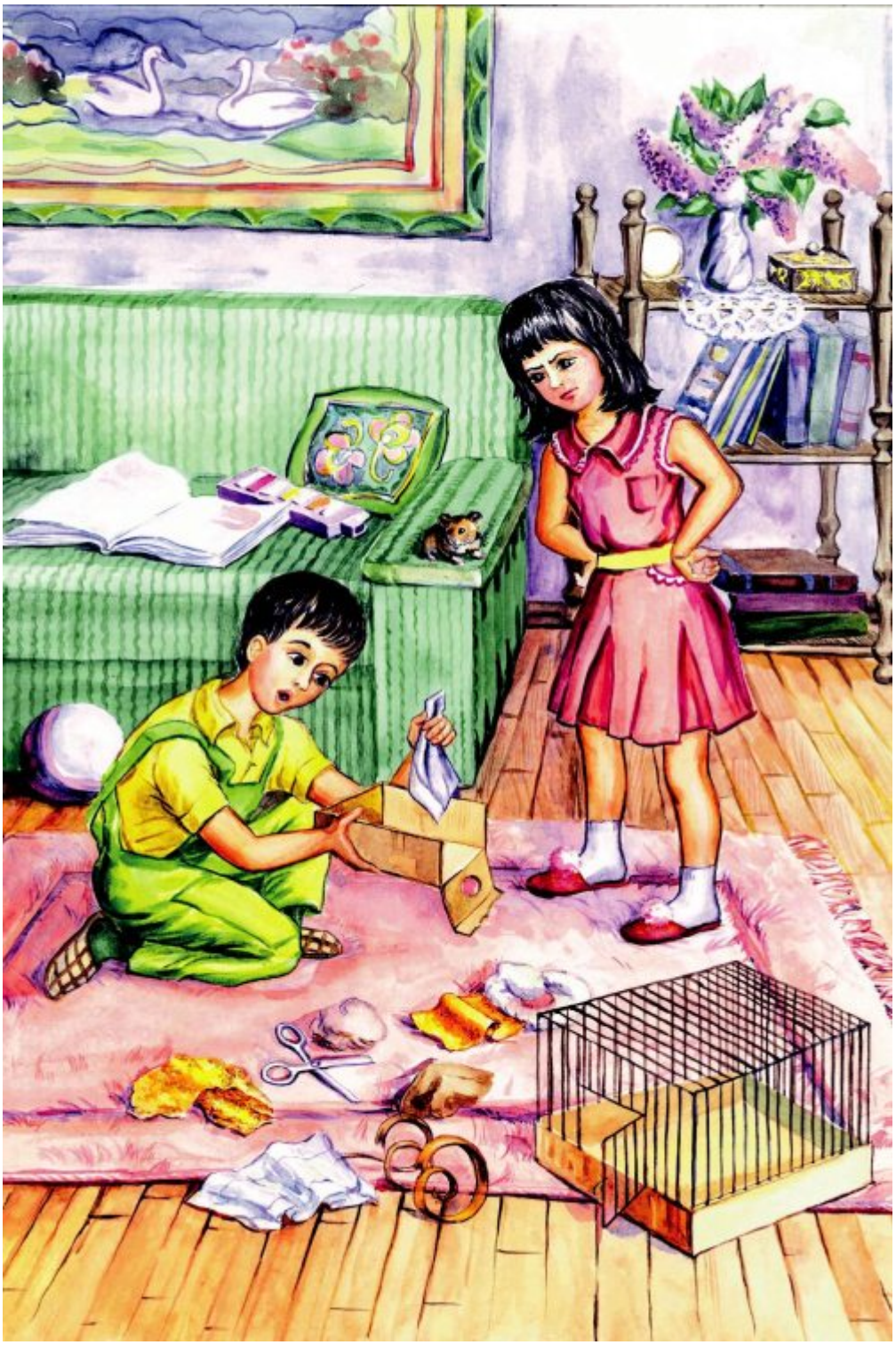
– Прости, Димка!

Кеша, или Охота на охотников

Тёмка давно просил родителей, чтобы ему кого-нибудь купили. Но так как дядя Толя был против собаки, а тётя Оля против кошки, то Тёмке на день рождения подарили хомячка.

– Вольга! Приходи! У меня кто-то есть! – позвонил Тёмка: это он меня так называет, как-то буква «о» у него вместе с «в» выговаривается.

Я быстро поднялась наверх. Смотрю, а у него клеточка на полу стоит. В клеточке коробочка с круглой дыркой. По краям две кормушки с какими-то зёрнышками висят, а ещё мисочка с водой стоит.



– И кто там? – спрашиваю.
– Кеша, – отвечает Тёмка, – мой хомяк.
– Ну и где же твой Кеша? Нет никого!
– Сейчас появится. Он толстый, быстро ходить не умеет.
Сидим, ждём. А Кеши всё нет. Я давай в отверстие коробки заглядывать!
– Фу, – говорю, – какой твой Кеша пахучий!
– И ничего не пахучий, – обиделся за хомяка Тёмка.
Сидим, опять ждём. Тишина.

– Может, он спит? – спрашиваю.

– Может, спит, – отвечает Тёмка, – сейчас посмотрим.

Открыл клетку, вытащил домик и в отверстие посмотрел.

– Нет. Не видно ничего. Он забаррикадировался.

– Что сделал? – спрашиваю.

– Забаррикадировался. Видишь, вата и тряпочки торчат? Сейчас мы его оттуда достанем, – и палец в домик сунул. – Что-то я его нащупать не могу…

– Может, он убежал уже? – спрашиваю.

– Куда убежишь из клетки? – начинает сердиться Тёмка. – Сейчас я его вытряхну.

И давай коробочку трясти! Никакого результата. Я говорю:

– Постой, даже если там кто-то был, то он уже давно от страха умер. Ты его до меня тряс?

– Не тряс. Не мешай, – отстраняется Тёмка, – это мой хомяк: хочу – трясу, хочу – не трясу. Я сейчас коробку ножницами разрежу.

Прибежал, ножницы принёс. Разрезал коробку. Смотрим, а там нет никого!

– Нет никого… – говорит Тёмка.

– А тебе точно хомяка подарили? – с сомнением спросила я. – Ты его видел?

– Ты чего? Обалдела? – злится Тёмка. – Мы же вчера с мамой ему из коробки домик сделали.

– Ну и куда он делся?

– Не знаю. Сейчас бабушку спрошу.

Дядя Толя и тётя Оля ушли на работу: с нами баба Валя дома была.

– Баб, где хомяк? – спрашивает Тёмка.

– А кто его знает, где она, ваша крыса!

– Как – крыса? – испугалась я.

– Да это баба так хомяка называет: она думает, это мышь толстая. Его в клетке нет, баб!

– Ну, значит, уже сбежала. Прогрызла дырку и сбежала.

– Баба! Ну как он дырку в прутьях мог прогрызть?

– Не знаю. Но сыр из холодильника пропал.

Баба Валя что-то ещё говорила, но мы уже не слушали.

– Если он сбежал, нужно его найти! – отвечает Тёмка. – Поисковая экспедиция под названием «Спасти мыша» приступает к действиям.

Тёмка побежал в соседнюю комнату, я тоже за ним побежала, но Тёмка меня остановил:

– Ты не участвуешь!

– Почему?

– Потому что обмундирование у меня в единственном комплекте. Я почти ничего из того, что он сказал, не поняла. Поняла только, что он будет играть один.

– Зачем же ты меня позвал?

Мне стало сразу скучно. Я села на диван, а Тёмка принёс из соседней комнаты компас.

– Зачем тебе компас? – спрашиваю.

– Чтобы не заблудиться, – отвечает. А сам упал на пол и ползёт под стол. Под стульями прополз, под шкаф залез.

– Классный компас? Мне его дядя Вадик прислал.

Я пожала плечами.

– Освещения маловато, – говорит, – сейчас.

Убежал в соседнюю комнату. Принёс фонарик.

– Классный фонарик? – спрашивает, и сам же отвечает: – Здоров-ский! Мне его дядя Вадик подарил!

Потом опять на пол упал и снова под стол полез. Я ему говорю:

– Ты уже там был! Там нет никого!

– Кого нет? – удивился Тёмка.

– Никого, – говорю, – нет!

– А кто нужен? – спрашивает.

– Ты что, – отвечаю, – издеваешься? Ты ведь хомяка ищешь!

– Да? – удивлённо говорит Тёмка. – Ну да!

Так он ползал, ползал. Сверялся с компасом, светил под шкаф и под диван. А я на диване сидела, наблюдала за все этим. Вдруг слышу, кто-то в диване тихонько шуршит. Прислушалась… А Тёмка сам с собой разговаривает и ничего не замечает. Только команды себе раздаёт: куда ползти, куда светить.

Я поскребла по обивке. Шуршание прекратилось, но через минуту опять началось. Я покачалась на диване: в ответ тихонько застучали убегающие коготки. «Ах, вот ты где!» – подумала я и стала ждать.

Шуршание продолжалось недолго. Скоро на подлокотник дивана выбежал замечательный рыженький хомячок. У него были глазки-бусинки, смешная мордочка и надутые щёки. Он посмотрел на меня и стал умываться, лихо ныряя мордочкой в лапки. Затем пристроился на самый край и замер. Наверное, удивился, что это его хозяин по полу ползает.

Наконец Тёмке надоело ползать: он сел на пол, а когда посмотрел в мою сторону, глаза его округлились.

– Так вот же он, Кеша! – заорал Тёмка.

Кеша от такой громкой радости упал на пол и бросился под диван.

– Ты видела? Видела? – кричит Тёмка. – Хомячок мой! Кешечка!

– Ничего себе, – говорю, – толстый, ходить быстро не может! Оставь его в покое, а то он у тебя долго не проживёт.

Но Тёмка меня не слушал: он согнал меня с дивана, поднял верхнюю часть и стал свободной рукой перебирать старые игрушки, которые там хранились. Никакого хомячка опять не было.

– Это просто какой-то заколдованный хомяк, – почесав затылок, сказал Тёмка, – то появляется, то исчезает. Сейчас мы на него капкан поставим!

– Как? – закричала я. – Тебе и капкан дядя Вадик подарил?

– Нет, – вздохнул Тёмка, – к сожалению, только книжку, как на зверей охотиться.

– И как же на хомячков охотятся? – ехидно спросила я.

– Не знаю ещё. До конца не прочёл.

– Никак на хомячков не охотятся! – авторитетно заявила я. – Ты бы ещё на тараканов охотился. За хомячками можно только наблюдать.

– Давай наблюдать, – быстро согласился Тёмка. – Будем на него фонариком светить и записывать, в какую сторону света он побежал.

– Я записывать не умею.

– Я тоже, – сказал Тёмка, откладывая компас. – Ну, тогда просто смотреть будем и фонариком на него светить…

– А тебе бы понравилось, если бы на тебя фонариком светили?

Тёмка подумал и говорит:

– Нет, не понравилось бы, – и отложил фонарик. – Совершенно ненужные в экспедиции вещи, оказывается: фонарик и компас, – сделал вывод Тёмка.

– Ладно, сядь на диван и посиди тихо, – говорю, – Кеша сам вылезет.

Сел Тёмка на диван. Сидим. Тишина. Тёмка ёрзать начал.

– Сиди тихо, не ёрзай. Кто так наблюдает?

– За кем наблюдать-то? Никого нет!

– Сейчас. Жди.

Тёмка головой в разные стороны крутит: чувствую, сейчас соскочит с дивана и опять шуметь начнёт. Тут как раз в диване хомяк зашуршал.

– О! – зашипел Тёмка. – Он всё-таки в диване.

– Конечно, в диване, где ж ему ещё быть? Сиди тихо. Он сам вылезет.

И, действительно, через некоторое время выбежал Кеша из дивана на самый центр комнаты. Сел на задние лапки, опять стал чиститься. Тёмка хотел было его схватить, но передумал:

– Красивый, правда?

– Правда, – говорю.

Хомячок побежал обратно к дивану. Мы свесили головы вниз – тут-то меня и осенило:

– Ты не нарочно ли хомяка из клетки перед моим приходом выпустил?

Тёмка смутился и говорит:

– Да. Понимаешь, мама всегда говорит, что хвастаться нехорошо. А мне тут всего столько наприсылали ко дню рождения…

Я хотела с ним поругаться, но тут Кеша из-под дивана вылез и опять в центре комнаты сел. К задней лапке хомячка прицепилось крохотное игрушечное ружьё. Тут в комнату дядя Толя заходит – он на обед пришёл. Увидел хомячка и говорит:

– О! Уже братья наши меньшие вооружились! К чему бы это?

Тёмка затылок почесал:

– Это, папа, охота на охотников началась.

Тёмка так серьёзно сказал, что сначала все молчали. Потом я засмеялась. Вслед засмеялся дядя Толя. Баба Валя, подошедшая с кухни, ничего не поняла, но тоже смеялась. Но больше всех хохотал Тёмка. Мы с ним даже упали с дивана от смеха – никак не могли остановиться. Было так весело, что я не стала на Тёмку сердиться. В конце концов, я тоже люблю похвастаться!

Целина

Наступила зима. Снегу выпало – ну прямо по колено! И обе наши дворовые горки снег укрыл толстым слоем. Пришло время доставать санки. Я очень люблю кататься на санках. Они у меня уже старенькие, облезлые, одной дощечки посередине не хватает, но полозья у них скользкие-скользкие! И я всегда дальше всех с горки скатываюсь.

Посмотрела я утром во двор. Всю ночь снег падал. Всё кругом белым-бело. Звоню Тёмке:

– Тёмка, пошли с горки на санках кататься!

– Пошли! – отвечает.

Выбежали во двор. Ну, прямо до горки дойти – и то проблема. Валенки в снегу вязнут! Дошли всё-таки. Забрались наверх. Первым Тёмка поехал. Раз – и внизу! Я следом скатилась. Ух! Здорово! Но нам с Тёмкой просто так кататься неинтересно. Нам нужно обязательно соревнование устроить! В прошлом году мы с самой вершины не просто «кто дальше проедет» катались, а так, чтобы не отталкиваться больше. Как один раз оттолкнёшься, так и лежи на животе до остановки санок. Другой раз мы на спине скатывались: тоже кто дальше. Третий раз прыгали на санки с лёту. Как скатываться – всегда я придумываю. Потому что мне всё равно как, я всегда и всех обгоняю! Вот такие у меня волшебные санки.

– Как кататься будем? – кричит Тёмка, а сам уже на горку поднялся.

– Кто дальше! – отвечаю.

Тёмка с разбега прыгнул на санки и покатился. Когда санки остановились, встал – и давай варежками махать. Я тоже с разбега на санки упала. Вжик! И оставила Тёмку далеко позади.

– Давай ещё! – говорит Тёмка.

– Давай! – отвечаю. А у самой настроение отличное: кажется, хоть сто раз ещё поднимусь и спущусь!

– Нет! Давай пять раз спустимся. У кого больше удачных попыток, тот и выиграл.

– Хорошо, – соглашаюсь.

У него ни разу дальше меня съехать не получилось. Я смеюсь, а Тёмка сердится:

– Давай по целине! Кто дальше! – вдруг предложил он.

– Как? – не поняла я.

– Ты чего, не знаешь, что такое целина? – смеётся Тёмка. – Она не знает, что такое целина!

Я потащила санки в горку. Тёмка меня догоняет:

– Кулёма ты! Целина – это место, где ещё снег лежит, там, где мы не катались. Вот сбоку горки, например.

– И как же мы там прокатимся? Мы же не съедем тут даже… – удивилась я.

– Почему не съедем? Горка покатая. Съедем.

Тёмка поставил перед собой санки – и как прыгнет! Вжик! И проехал. Машет мне снизу, весь в снегу, без шапки…

– Отойди, – кричу, – сейчас попробую.

В общем, поставила я перед собой санки и прыгнула. Всё замелькало. БАХ! Открываю глаза – кругом белизна, тишина. Боюсь пошевелиться, но чувствую – как-то не так всё. Закрыла глаза и снова открыла: белым-бело.

«Наверное, я умерла, – подумала я. – Не больно это совсем».

Тут слышу: ДУН. ДУН. ДУН. Что такое? Возле моего лица что – то зашевелилось – показался Тёмка, но как бы наоборот. То есть Тёмка как Тёмка, только рот у него на лбу, а лоб на подбородке.

– Ты чего разлеглась? – спрашивает Тёмка-наоборот. – Вставай.

Я медленно начала подниматься. Оказывается, я с горки кубарем скатилась, а потом в сугроб головой вниз воткнулась.

– Я, – говорю сердито, – думала, что умерла на твоей целине.

– Ну, умереть – не знаю, но летела ты классно! А я вот шапку чуть не потерял. Кое-как нашёл. Короче, я выиграл. Ты до меня не доехала. Ещё будем здесь соревноваться?

– Нет, не будем! Я домой хочу.

– Как – домой? Мы же только что вышли.

– Ну и что? А я уже домой хочу.

– Это потому ты домой хочешь, что я у тебя выиграл!

– И ничего не потому, – ответила я, закусив губу. Мне было ужасно обидно, что я не выиграла у Тёмки. Я всегда на санках выигрывала, но второй раз скатиться по целине боялась.

– Ну и иди! Кулёма! А я кататься буду.

Я понуро поплелась домой, таща за собой санки на верёвочке. И всё думала, как это неприятно – не выигрывать. Ужасно неприятно!

Пожар

Зимой быстро темнеет. Вот только вышел во двор засветло, как уже темно. И это замечательно! Ни одного фонаря у нас во дворе нет. Но светло! Потому что весело горят огни в окнах нашего дома. Я очень люблю лежать на сугробе и смотреть на разноцветные огоньки окон. Хотя мне это и не разрешается. Но я лежу, когда никто из взрослых не видит. Если прищуриться и покачать головой, то кажется, будто дом – корабль, окна – иллюминаторы, а корабль на волнах покачивается. Это мне Димка подсказал так смотреть.

Как-то раз мы катались с Тёмкой с горки. Было уже хоть глаз выколи, и из форточек то моего, то Тёмкиного окна кричали, чтобы мы шли домой, но у нас никак не заканчивалось соревнование. Мы хотели понять, на какой раз с санками на горку подняться не сможем. И я, и Тёмка ужасно устали, еле-еле перебирали ногами. Но вновь карабкались и съезжали. Тут Тёмка скатился и лежит себе внизу. Я к нему подъезжаю и говорю:

– Нечестно! Отдыхать нельзя!

– Я не отдыхаю. Я смотрю. Гляди на третий этаж. Что там?

Смотрю на третий этаж соседнего подъезда. Там поэт Листов-ский живёт, он парализован – ходить не может… У него на балконе облако чуть заметное, беловатое.

– Облако, – говорю, – как пар, только висит и не улетучивается.

– Да. Что-то непонятное, – подтвердил Тёмка, – ну, бежим!

Мы встали и опять поплелись на горку. Съехали ещё пару раз. Смотрим на окно, а там всполохи красные.

– Телевизор, что ли, работает? – спрашивает Тёмка.

– И облако расползается, да?

– И гарью пахнет…

– Пошли, бабе скажем.

– Пошли.

Побежали к нам. Рассказали дедушке: он нам дверь открыл. Дед накинул пальто и вышел во двор: возле третьего подъезда уже несколько человек стояло. Дед подошёл к ним и тут же побежал куда-то звонить. Спустились Тёмкины дедушка и бабушка, потом наши мамы и папы вышли, потом весь подъезд вышел. Про нас с Тёмкой забыли.

– Это пожар! – кричит Тёмка.

– Ты чего радуешься? – спрашиваю.

– Не знаю, – тут же осёкся Тёмка, – радостно… и всё.

– А если этот поэт умрёт? А если он уже сгорел?

– Да, страшно, – ответил Тёмка и опять с горящими от любопытства глазами на окна смотрит. – Слушай, давай на горку залезем. Она как раз на уровне третьего этажа!

Мы побежали в самую глубь двора, на горку: оттуда было действительно лучше всего видно. Тут подъехали две пожарные машины. Пожарные начали быстро выскакивать, что-то разворачивать, сворачивать… Всё у них так здорово получалось! Выросла лестница – пожарный по ней проворно вверх поднялся. Потом раздался звон стекла – через окно стали вырываться огни пламени с чёрным дымом. Пожарные что-то включили – тут же побежала пена. Много-много пены. Вся стена в пене, второй и первый этаж залили. Смотрим – соседка с четвёртого этажа с замотанной полотенцем головой стоит, прямо в махровом халате. Она уже спала и стала задыхаться от дыма, как потом рассказала нам баба Валя.

Пожарные поливали, поливали, а пожар всё никак не заканчивался. Тут я увидела свою бабушку, которая искала нас. Мы нехотя слезли с горки – нас тут же подхватили родители и увели по домам.

Утром дедушка рассказал, что в квартире Листовского взорвался телевизор. Пожар очень быстро охватил всю комнату, но сам Лис-товский успел выехать в подъезд на коляске, хотя по ступенькам спуститься не мог. Его потом соседи вниз спустили. А ночью вспыхнула вторая комната в его квартире. Это была библиотека. Как-то искра туда попала. Тлела, тлела и загорелась. И опять приезжали пожарные! Но Листовского в квартире не было, его в больницу ещё вечером увезли.

Квартира выгорела дотла… Вот если бы раньше пожар заметили, такого бы не произошло. А то пока Листовский с кровати на коляску пересаживался, уже всё горело… Как только дед это сказал, у меня дыхание остановилось. Я побежала к Тёмке: он уже всё знал. Я потащила его в комнату:

– Тёмка! Если бы мы с тобой сразу побежали и рассказали, что увидели облако или мелькание красного света, то квартира Листовского бы дотла не выгорела, понимаешь?! Ему теперь жить негде!

– Понимаю, – кивает Тёмка, – но знаешь, даже когда мы домой к тебе побежали, я не думал, что это пожар.

– Что теперь делать?!

– А что делать? – не понял Тёмка.

– Мне страшно, – говорю я шепотом. – Мы с тобой во всём виноваты.

– Мне не страшно, но как-то не по себе.

На этом и разошлись. Несколько дней я никому ничего не говорила, но так мне было нехорошо… Бабушка это заметила и спросила:

– Ты что ходишь, будто в воду опущенная?

Я залезла к бабушке на колени и рассказала, как мы с Тёмкой могли спасти квартиру Листовского, но не сделали этого. Слёзы текли по щекам. Мне казалось, что это самое страшное, что я сделала или не сделала в своей жизни. Бабушка внимательно меня выслушала и сказала:

– Всё вы правильно сделали. Вы ведь не знали, что это пожар. Думаю, ты и Тёмка даже не поняли, что это такое. Вы ведь пожар в жизни ни разу не видели. А когда вам стало тревожно, побежали и рассказали. А если бы не рассказали, пожарные, может, ещё позже приехали – сгорели бы соседние квартиры. Но этого не произошло. Так что вы даже молодцы. Не расстраивайся.

Я пошла успокаивать Тёмку:

– Ничего, – говорю, – в следующий раз мы с тобой уж точно будем знать, что это пожар.

Тёмка посмотрел на меня как-то странно и говорит:

– Ты что думаешь, пожары так часто бывают? Может быть, это первый и последний пожар, который мы с тобой в жизни видели.

От его слов я сначала расстроилась, а потом обрадовалась. Ну и хорошо, что больше не увидим. Мне и одного раза хватило.

Игрушечная посуда

Не всегда бывает так, что мы только у Тёмки играем. По выходным он иногда приходит поиграть ко мне. У меня Тёмка всё разбрасывает и никогда не помогает убирать. Меня это злит. Как-то раз собрались мы у меня:

– Что будем делать?

– Не знаю, – говорю, – давай в лото поиграем.

– Нет, – отвечает Тёмка, – в лото не хочу.

Это у нас так всегда. Как соберёмся вместе, ну никак придумать не можем, во что бы нам поиграть. А потом – БАЦ! – и интересная игра придумывается. Так и в этот раз.

– Тащи свой ящик, посмотрим, что у тебя есть, – говорит Тёмка.

Ящик – это место, где у меня хранятся игрушки. Он лежит под шкафом. Там и старые, и новые, и поломанные игрушки хранятся. И даже какие-то непонятные части от неизвестных игрушек. Я всё берегу, ничего не выбрасываю. Тёмка залез в мой ящик и вытащил оттуда кукольную кастрюльку.

– Вот, – говорит, – что нам надо! Будем что-нибудь варить. Ты варить умеешь?

– Нет, не умею. Да как же мы будем варить? – засмеялась я. – Это же кукольная посуда.

– Ну и что? Она же из металла сделана. Значит, её можно нагревать.

Это мне никогда в голову не приходило, но сразу стало интересно. А что мы будем варить?

– Ну, лапшу или горох давай.

– Лапша в кастрюльку не войдёт, да и гороха нет.

– Тогда нужно что-то мелкое варить, – ответил Тёмка, – кашу.

– Самая мелкая каша – манка, – со знанием дела ответила я.

– Тащи манку.

Я пошла на кухню и отсыпала в розетку для варенья манки, а в стакан налила воды.

– Так, – сказал Тёмка, – я тут у тебя ещё одну кастрюльку нашёл, она меньше, но для тебя будет как раз. Моя кастрюлька была на длинной деревянной ручке и действительно меньше, чем у Тёмки.

– Теперь спички неси и свечки, – скомандовал Тёмка, – ты знаешь, где у вас спички лежат?

– Я-то знаю, – гордо ответила я.

– И где? – поинтересовался Тёмка.

– На кухне, в ящике старого серванта.

– А-а-а-а, – протянул Тёмка, – мои от меня спички на шкафу прячут.

– Мои тоже прячут, наверное, – неуверенно произнесла я. Потом я побежала на кухню и принесла спички и две свечки.

Пока ходила, Тёмка расположился на моём столе. Нам в этом году в школу идти, поэтому родители мне и Тёмке купили настоящие ученические столы. У него с двумя дверками, у меня с одной. Зато у меня есть полочки справа! Свой стол я протираю каждое утро: у него красивая полировка и замечательные золотые ручки-шарики на ящиках.

Мы зажгли свечки, налили в кастрюльки воду и высыпали манку.

Через несколько секунд Тёмка говорит:

– Чего-то мне пальцы жжёт твоя кастрюля!

– Да? – сказала я. – А мне не жжёт.

– Ну, понятно, ты же за деревянную ручку держишь, – сказал он и уронил свою кастрюлю на стол.

– Ой, что ты натворил! – зашипела я. – Сколько грязи! Убирай сейчас же!

– Чем я тебе буду убирать? – сказал Тёмка, пальцем трогая размазанную кашу.

Я побежала на кухню за тряпкой. Пока я бегала, он заново налил воды в свою кастрюлю и опять насыпал манку.

– Сейчас буду держать за краешек через носовой платок, – говорит Тёмка, вытаскивая носовой платок из брюк.

Я забыла про размазанную кашу, схватила свою кастрюлю со стола и закричала:

– Мамочки! Я стол испортила!

Тёмка с интересом посмотрел на место, откуда я только что подняла свою кастрюльку.

– Да, – сказал он, – ты лак прожгла, теперь навсегда останется белое пятно.

Тут у него в кастрюльке каша забулькала и разбухла. Я решила подумать об этом пятне потом, а сейчас кашу свою доварить. Схватила кастрюльку и поднесла к свечке. Очень быстро и моя каша забулькала.

– Моя, кажется, сварилась, – сказал Тёмка, – ложку давай, пробовать будем.

Я полезла в ящик за игрушечными ложечками, а когда повернулась, смотрю, теперь на моём столе уже две кастрюли стоят: моя и его.

– Ты что делаешь! – завопила я. – Ты мне стол прожжёшь!

Я подбежала и схватила обе кастрюли вместе. Как тут мои пальцы обожжёт! Я выронила Тёмкину кастрюлю, она упала на пол и заляпала ковёр манкой. А пока я смотрела на упавшую кастрюлю, моя кастрюля в руках наклонилась, и каша тоже полилась на ковёр.

– Что-то у вас палёным пахнет, – сказала бабушка, открывая дверь.

Она увидела две горевшие свечки и спички на столе.

– Откуда у вас спички? – строго спросила она. – Сейчас же верните! И потушите свечки.

Я задула свечки и отдала бабушке спички.

– А на столе у вас что за пятна? – спросила бабушка. – Безобразие, немедленно всё убирайте!

Я стала возить тряпкой по столу; как убрать манку с ковра, я даже не представляла.

– Ну, я пошёл домой, – сказал Тёмка, – жалко, что не удалось кашки попробовать.

– Ты что же, не будешь помогать мне убираться? – спросила я.

– Нет, мне пора, – серьёзно ответил он и ушёл.

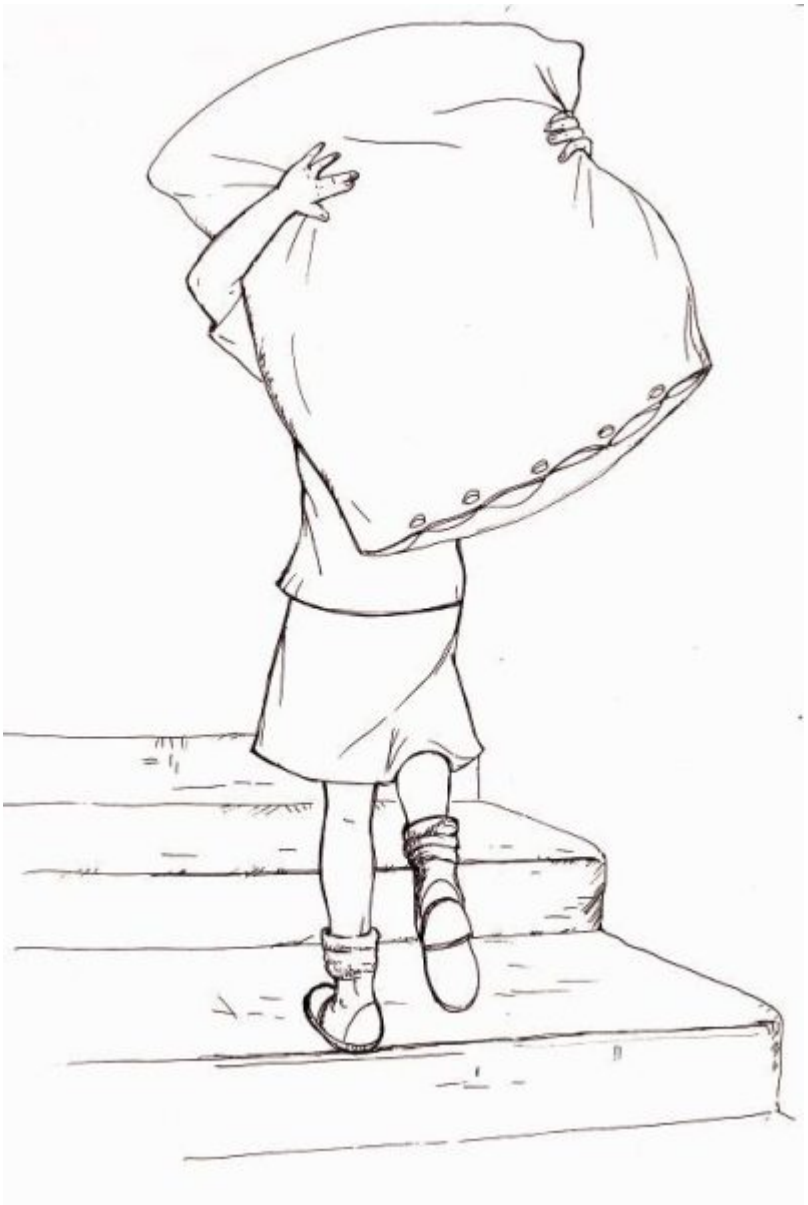
Я посмотрела на пол, на ковёр, на два белых и одно почти чёрное пятно на столе, на разводы от каши, на совершенно чёрные кастрюльки… так мне досадно стало!

«Я ему всегда помогаю убирать игрушки, а он ушёл?! После наших игр у него дома такого кошмара никогда не остаётся, а у меня, значит, можно?! Больше никогда его не позову, а у него дома тоже что – нибудь разбросаю и разломаю».

Так я думала и водила пальцем по следам от кастрюлек. Очень мне было себя жалко.

Как я ночевала у Тёмки

Почти каждый день утром перед работой моя бабушка ведёт меня домой к Тёмке. Мы вместе едим, отдыхаем, гуляем на улице и играем. Вечером меня забирают домой, а на следующий день всё повторяется. Мы с Тёмкой не ходим в детский сад – с нами сидит Тёмкина бабушка.



А тут вдруг моих папу, маму и бабушку отправили в командировку. Точнее, папа уже третий месяц в командировке в Башкирии, мама поехала с докладами по области, а бабушку срочно вызвали на какое-то собрание в другом городе. Дедушка до часа ночи свою газету в редакции принимает. А меня, как сказала мама, нужно куда-то «пристроить». Пристроить меня можно только к Тёмке. Вот туда меня и отправили со своей подушкой одну ночь переночевать, потому что бабушка всего на два дня в командировку уезжала. Баба Валя постелила мне на своей кровати, она в одной комнате с Тёмкой спит, а сама пошла в зал спать.

Пожелав всем спокойной ночи, мы с Тёмкой выключили свет, забрались в кровати и стали перешёптываться.

– Ты в Бабая веришь? – спрашивает Тёмка.

– Верю, – отвечаю.

– А как он выглядит? Ты его видела?

– Нет. Не видела. Но он очень страшный.

Тёмка в темноте вздохнул.

– А цыган боишься?

– Боюсь. А ты?

– И я боюсь, они детей воруют.

– И лошадей, – к чему непонятно, сказала я.

Несколько раз приходила баба Валя, но мы делали вид, будто спим, и она уходила, поправив одеяла. Так мы с Тёмкой вспомнили всё, что только можно вспомнить, но потом мне так спать захотелось, что я задремала. Чувствую, кто-то меня за плечо трясёт. Открываю глаза – Тёмка стоит:

– А мне кажется, баба Муся, ваша соседка с первого этажа, – ведьма.

Я ничего спросонья понять не могу.

– Какая ведьма?

– Ну, соседка ваша по этажу.

– Давай спать, – говорю, – уже сил нет.

– Давай, – отвечает Тёмка, уходя к себе в кровать, но через секунду опять спрашивает:

– Ты знаешь, сколько это – один биллион?

Я села на кровати.

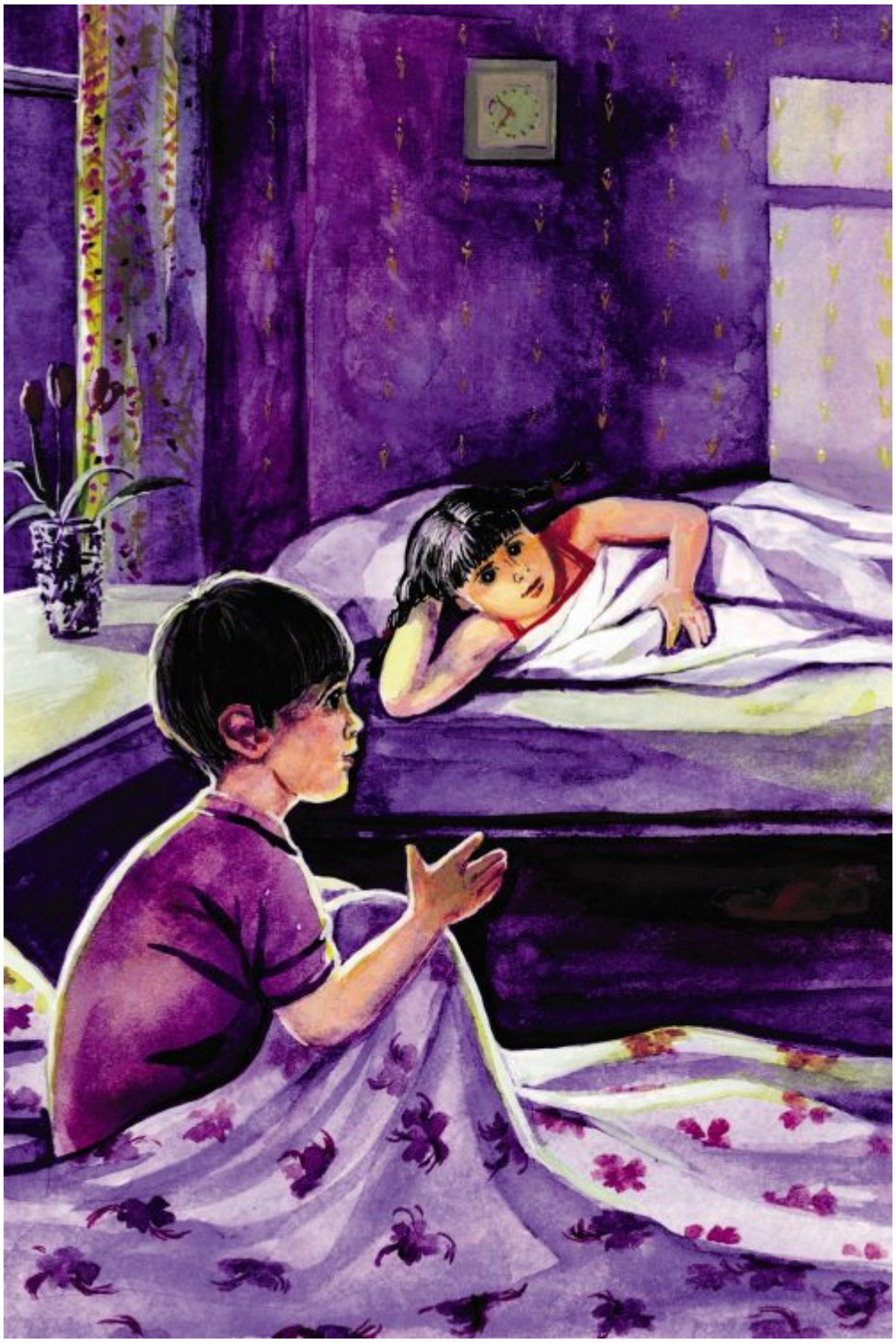
– Ты спать собираешься сегодня? – спрашиваю.

– Да, да, – отвечает Тёмка, – уже сплю.

Только я легла, Тёмка опять спрашивает:

– Сколько звёзд на небе? Один биллион или один триллион?

– Я не знаю, сколько это вообще. Это какие-то очень большие цифры, наверное.



Помолчали немного, а потом Тёмка спрашивает:

– Ты представляешь, что такое бесконечность?

– Бесконечность? Это когда нет конца, наверное. Вот шёл, шёл – уже конец. БАЦ! А там его вдруг нет, и так всё время…

Слышу, Тёмка уже сопит. А я всё думаю, что такое бесконечность, бесконечная Вселенная, и никак понять не могу: как же так – нет конца?

– Тёмка! Тёмка! – шепчу. – Как же это? Вот уже конец Вселенной, а дальше тогда что?

Тёмка не ответил. Тогда я подошла к нему и стала трясти его за плечо.

– Ты чего, – говорит Тёмка, – обалдела? Спи давай.

– Я спать теперь не хочу, ты меня разбудил. Мне теперь мысли разные в голову лезут.

– А ты слонов считай, – хмыкнул Тёмка и отвернулся к стене.

– Почему слонов? Я баранов считаю.

– Бараны слишком быстро бегают, – ответил, зевая, Тёмка, – не успеваешь считать.

– Ну, попробую слонов.

Я легла в кровать. Один слон, два слона, три… а вот и большой слон: это слониха-мама – за её хвост держится маленький слонёнок. Но тут слониха исчезает, и слонёнок остаётся один. Я стала думать, как это страшно, если все-все умрут, а я останусь одна. Что тогда со мной будет? Меня, наверное, к Тёмке возьмут жить… Или не возьмут… Это уже не важно. Я стала плакать.

– Тёмка, Тёмка, – говорю. – А ты не боишься, что твои родители умрут?

Тёмка, качаясь, сел на кровати:

– Боюсь. Я иногда про это думаю. Но лучше не надо. Спать давай.

– Давай, – говорю, а у самой никакого желания спать нет.

Только Тёмка засопел, у меня опять вопрос появился.

– Тёмка, а ты знаешь, откуда дети берутся?

– Знаю, – отвечает Тёмка во сне, – их в капусте находят.

– Это и я знаю, но есть здесь какая-то тайна. Их ведь когда попало не находят. Сначала жених и невеста празднуют свадьбу, потом появляется ребёнок. Может, нужно праздник сделать большой? Или дело в белом платье? И когда нужно на поле ехать?

Чувствую, Тёмка меня не слушает. Я опять к нему пошла и стала за плечо трясти:

– Ты как думаешь? Когда?

Тёмка опять сел на кровати:

– Что – когда?

– На поле ехать когда пора?

– На какое поле?

– На поле, где капуста растёт.

– Какое поле? Спи давай! Ни на какое поле мы не поедем! Я вообще капусту не люблю.

– А я люблю, – ответила я, ложась в кровать, – особенно жареную с маслом. Мне захотелось лечь поудобнее и заснуть, но тут Тёмка заворочался:

– Есть что-то хочется…

– Угу, – сказала я сквозь сон.

– А ты что будешь?

– Ничего…

– Пошли, там салат остался… и пирог с мясом…

Он вытащил меня из кровати и поволок на кухню. Мы залезли с ногами на табуретки и съели всё, что нашли на столе после нашего ужина, а потом вернулись в комнату и до самого рассвета болтали. Как заснули – не заметили.

Утром баба Валя нас не добудилась и решила оставить в покое. Проспали мы до самого обеда. А во время обеда Тёмка говорит:

– С тобой совершенно невозможно в одной комнате находиться! Ты же мне спать не давала!

– Я не давала?! – возмутилась я. – Это ты мне спать не давал!

– А кто меня разбудил?

– А ты меня не будил? – удивилась я.

Потом мы пошли в комнату и сели на кровати: делать ничего не хотелось.

– И почему все вопросы в голову ночью лезут? – спрашивает Тёмка.

– Не знаю, – говорю, – но днём говорить с тобой совершенно не о чем.

Очень тихий мальчик

Как-то летом в нашем доме появился новый жилец. В квартиру на первом этаже соседнего подъезда въехали мальчик и его мама. Мама оказалась большая, весёлая, шумная, а ещё приятно пахла духами. Очень быстро она познакомилась со всеми детьми нашего двора и нашими мамами. Она вообще была очень общительная. А вот её сын – наоборот.

Славик даже ходил как-то тихо. Незаметно, словно тень. С нами не играл, а чаще сидел на лавочке и смотрел, как мы играем. Вытащить его на площадку было целое дело. Да мы и не особенно старалась: нам и без него было весело.

Но постепенно Славик привык к нам и нашим играм. В мяч, например, ему играть нравилось. В прятки тоже. Но только в них он почти всегда голил. Когда Славик видел, что кто-то не хочет голить, он всегда предлагал:

– Хочешь, я буду?

И, конечно, все хотели. Кому охота возле стенки стоять, когда можно побегать?

А Славик вставал к стене, закрывал глаза и начинал свой отсчёт.

Как-то раз мы вышли с Тёмкой во двор вдвоём, а там уже сидел Славик. На улице было жарко. Бегать не хотелось – мы забрались в песочницу. Песок на солнце тоже прогрелся, но если капнуть глубже, можно было найти стоящий материал для крепости, как бы сказал Тёмка.

Я стала отгребать сухой песок в одну сторону, Тёмка в другую. Вдруг Славик коснулся моего плеча и говорит:

– На, возьми досточку, ею удобней копать.

Я взяла.

– А можно я вам помогу? – спросил Славик.

– Валяй, – ответил Тёмка, – мы крепость строить будем.

– А хотите, я кубики принесу, из них можно башенки сделать?

– спросил весело Славик.

Мы смотрели на Славика во все глаза.

– А тебе разрешат чистые кубики на улицу вынести? – удивился Тёмка.

– А почему нет? – обрадовался Славик и убежал за кубиками.

Так он удивлял нас весь день, пока мы строили нашу крепость.

То бегал за ведром воды, чтобы полить песок, который весь высох на солнце. То принёс совки. То бумагу, чтобы флажки сделать на башенках. Короче, Славка нам очень понравился. Он столько всего наприду-мывал, а самое главное – всё сам и сделал. Когда солнце стало не так жарить, а крепость была уже готова и даже дважды обстреляна, вышли Димка с Аней, а потом Костя. Мы начали играть в догонялки, потом в вышибалу, потом полезли на крыши. Это наше любимое занятие, так как с крыш виден двор больницы и картинной галереи. Ничего особенного там никогда не происходит, но почему-то нас всегда тянет посмотреть. А ещё на крыше больничного склада есть слуховое окно: через него мы залазим на чердак. Там темно и всегда тепло, даже зимой. На чердаке тоже ничего нет, но мурашки по телу бегают, когда подумаешь, что сейчас полезем в темноту.

Как только мы отправились в сторону забора, по которому на крыши можно залезть, то заметили, что Славик поплёлся домой.

– Эй, – крикнула я ему, – ты чего? Полезли на крышу, там знаешь, как здорово!

Но Славик не остановился: только покачал головой и вошёл в подъезд.

– Странный какой-то, – сказала я.

– Будешь тут странным, – ответил Димка, который всегда всё знал. – Они раньше с мамой на восьмом этаже жили, а теперь на каком?

– На первом, – ответил Тёмка.

– Правильно, – сказал Димка, – а почему?

– Почему? – спросили мы хором.

– Потому что как-то раз Славка с этого восьмого этажа упал!

– Да?! Как?! – завопили мы.

– И разбился бы насмерть, если б случайно не зацепился штанами за какой-то крюк, торчавший из балкона шестого этажа… С тех пор он высоты боится. Да и вообще… – не стал уточнять Димка.

– С приветом, – брякнула Аня.

– Сама ты с приветом, – сказал Тёмка, – ты, поди, с восьмого этажа не падала?

С той поры мы больше Славку с собой на заборы и крыши не звали. А во всех остальных играх он участвует с удовольствием, всегда что-нибудь сделать предлагает или принести – тут же сам делает и приносит. Такой уж он человек!

Кареты

Как-то раз, пролистывая картинки книжек со сказками, я увидела красивую карету. Она была вся в завиточках, на высоких тонких колёсах. Мне тут же захотелось её сделать. Хорошо сказать – сделать. А как? Из чего? Из бумаги, решила я, поразмыслив немного.

Достала бумагу, ножницы, клей и стала работать. Сразу стало понятно, что такой же, как на картинке, моя карета не будет. И совершенно непонятно, как сделать такую же форму. У меня получалась коробка с двумя дырками для окон и с дверьми. Как я ни пыталась выгнуть бумагу, всё равно получался квадрат или прямоугольник. Попробовав раза три и поняв, что ничего не получится, я прилепила козлы в виде загнутой буквой «г» бумажки и приклеила сбоку днища четыре кругляка. Потом взяла жёлтую краску и раскрасила своё творение.

Карета получилась косенькая, но мне она нравилась. Я побежала показывать её сначала бабушке, потом маме, потом дедушке, а папы дома не было: на этом мои зрители закончились. Но я не расстроилась и тут же позвонила Тёмке:

– Привет! Пошли гулять.

– Пошли, – раздалось неубедительно в трубке.

Я испугалась, что он не пойдёт, и моя красота не будет продемонстрирована, поэтому быстро сказала:

– А у меня кое-то есть!

– Что? – спросил Тёмка с любопытством.

– Выйдешь – покажу, – ответила я и повесила трубку.

Пока я одевалась и открывала дверь, с лестницы неслось:

Топ-топ – БАЦ! Топ-топ – БАЦ! Это нёсся, перепрыгивая через ступеньки, Тёмка. Встретились мы с ним нос к носу у моей двери.

В руках я держала карету. Тёмка замер:

– Что это такое?

– Это карета! – ответила я гордо. – Я её только что сделала.

– И что с ней делать? – задумался Тёмка.

– Не знаю, – ответила я, – правда, красивая?

– Угу, – как-то странно ответил Тёмка, – а давай её подожжем! От неожиданного предложения я замерла, а затем возмущённо выпалила:

– Как подожжём? Я её весь день делала!

– Ну и зачем она нам тогда? – уныло спросил Тёмка, но тут же воодушевился и продолжил. – У меня есть целлулоидные закладки. Поломаем их, сунем в карету и подожжём! Знаешь, как здорово будет!

– Нет, ничего не будет, – ответила я, – я её не отдам.

Тут Тёмка стал у меня её из рук выдёргивать, одного прикосновения хватило, чтобы карета моя в мусор превратилась. Я заревела. Тёмка выпустил скомканную бумагу из рук: на этом наша прогулка закончилась. Я захлопнула дверь и прорыдала весь вечер в подушку, а утром мне позвонил Тёмка. Я стояла у телефона, надув губы:

– Привет! – весело сказал он.

Я молчала.

– Я карету сделал! Пошли поджигать!

– Не хочу, – ответила я.

– Пошли! Пошли! Я так здорово её сделал! Сейчас приду!

Я пошла и села за свой стол. На нём со вчерашнего дня лежала открытой книга с моей замечательной каретой. Тут в дверь забарабанил Тёмка.

– Иди-ка, открывай, – крикнула бабушка с кухни, – это только к тебе так гости приходят!

Я поплелась открывать. Тёмка стоял, сияя. В его руках лежала квадратная карета. Она походила на мою, но склеена была аккуратнее. Все углы ровные, бумага нигде не заминалась. Днище было сделано из гофрированного картона, в него с боков Тёмка смог вставить четыре маленьких гвоздика, на которые посадил колёса.

Я тут же забыла, что не собиралась гулять, и быстро натянула сандалии. Так мне хотелось поджечь карету! Мы выскочили на улицу и побежали к горке.

– Сейчас посмотрим, как она катится, – деловито сказал Тёмка и отпустил карету, но та никуда не покатилась.

– Очень лёгкая, – пробормотал Тёмка, – сейчас…

Он поднял с земли камешек и, положив в карету, подтолкнул её. Карета стояла на месте. Тёмка ещё положил камушек, и ещё. Но карета никак не хотела ехать.

– Нет, не поедет, – с грустью сказал Тёмка.

– Ну и когда же мы её поджигать будем? – с нетерпением спросила я.

– Нет, – качает головой Тёмка, – давай мы её поджигать не будем. Я столько времени с ней вчера провозился…

– Как?! – воскликнула я. – А мою карету ты вчера хотел сжечь!

– Ну, хотел, – попятился Тёмка, пряча карету за спину, – а свою вот расхотел!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.